

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Управление и право»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент

Начальник отдела уголовного розыска

Отдела МВД России по ВГО ЧО

Майор полиции

_____ А.В. Вагапов

«18» июня 2018 г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.А. Демин

«22» июня 2018 г.

Понятия и признаки преступления

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2018.90187. ВКР

Руководитель работы

доцент кафедры УУИПК

_____ В.В. Денисович

«20» июня 2018 г.

Автор работы

студент группы ДО–425

_____ И.М. Клепиков

«20» июня 2018 г.

Нормоконтролер

ст. преподаватель кафедры УиП

_____ Е.Н. Бородина

«21» июня 2018 г.

Челябинск 2018

АННОТАЦИЯ

Клепиков И.М. Понятие и признаки преступления. – Челябинск: ЮУрГУ, 2018, ДО–425, 59 с., библиогр. список –87 наим., 9 л. плакатов А4

Объектом выпускной квалификационной работы являются отношения характеризующие противоправность поведения.

Цель работы – рассмотрение понятия и признаков преступления по действующему уголовному праву России.

В работе рассмотрены исторический и социальный характер преступления. Изменения понятия преступления в Уголовном праве на различных этапах развития общества. Социальная природа преступления и понятие преступности. Признаки преступления и малозначительность деяния.

Результаты работы содержат выводы о понятии и признаках преступления, малозначительности деяния. Без понимания и знания этих определений невозможно изучение уголовного права.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ.....	10
1.1 Исторический характер преступления.....	10
1.2 Социальная природа преступления.....	17
2 ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ.....	26
2.1 Понятие и признаки преступления. Отграничение от иных видов.....	26
2.2 Малозначительность деяния.....	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	52
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	55

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Понятие преступления является категорией уголовно-правовой науки, без уяснения понятия, сущности и признаков преступления невозможно постичь азы и другие категории Уголовного права. Понятие преступления является категорией уголовного права. Для осуществления стоящих перед уголовным законодательством задач, охраны защищаемых уголовным правом интересов, необходимо точное определение понятия преступления. Без него невозможно представить существование всей науки уголовного права. С помощью него дается ответ на то, какие деяния являются незаконными, какие условия должны быть, чтобы признать деяние преступлением, а лицо, совершившее это деяние – преступником, какие преступные действия более опасные для общества, какие менее.

На это понятие опирается законодатель, устанавливая санкции за различные виды преступлений. В настоящее время, когда мы стремимся стать частью цивилизованного демократического мира, необходима перестройка всей правовой системы в целом, а уголовного права в частности, и нужно чтобы оно (уголовное право), было защитником граждан, а не было слепым карательным орудием государства, а для этого понятие преступления, как ключевая категория уголовного права, должно быть конкретным, основанным на принципах справедливости и равенства всех перед законом.

Для осуществления стоящих перед уголовным законодательством задач охраны личности, прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя России, мира и безопасности человечества от преступных посягательств, а также предупреждения преступлений, УК РФ определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями.

На разных этапах развития юридической науки в уголовном праве понятие преступления определялось различно.

Наиболее распространенным было его формальное определение как действия (бездействия), запрещенного законом под страхом уголовного наказания. Поэтому в УК РФ 1996 г. появилось так называемое формально-материальное определение.

Преступление есть деяние. Деяние в уголовном праве понимается как акт поведения человека, который может быть выражен как в активной (действие), так и в пассивной форме (бездействие), способный причинить различного рода вредные, опасные для общества последствия: физический, моральный и материальный ущерб личности, нарушение нормального функционирования экономических институтов, вред окружающей среде и т. д.

Указание на то, что преступление представляет собой деяние, имеет достаточно большое значение. Во-первых, вследствие этого преступлением может признаваться только акт поведения человека, а не его мысли и убеждения. Это положение восходит ещё к римскому праву: ещё в Дигестах Юстиниана Великого устанавливалось, что никто не несёт наказания за мысли.

Деяние должно отвечать признаку отражаемости, то есть быть доступным для человеческого познания, должна иметься возможность составить его объективное (не зависящее от субъекта) описание.

Невозможно признать преступными мысли и убеждения человека не означает невозможности признания преступным акта их внешнего выражения (устного или письменного), адресованного другим лицам: законодательством многих государств признаются преступными, например, оскорбительные и клеветнические высказывания, призывы к насилию, в том числе направленному на ниспровержение существующих институтов государственной власти.

Криминализация таких деяний в целом не противоречит принципу свободы слова ввиду их объективной вредности.

Не может признаваться преступлением физическое или психическое состояние человека, социальный статус и иные свойства личности как внутреннего (характер, привычки), так и внешнего (раса, национальность) характера, применение мер уголовной репрессии на основе представлений об опасном состоянии личности в современном уголовном праве считается недопустимым.

Деяние представляет собой акт поведения, преступными могут быть признаны лишь такие действия или бездействие, которые образуют поведение в том смысле, который вкладывается в это понятие психологией.

Поведение характеризуется признаками мотивированности (наличием побуждений, вызвавших деяние) и целенаправленностью, которая выражается в осознании человеком возможных результатов его поступков, если хотя бы один из данных признаков отсутствует, то нет поведения, а значит, не может быть и преступления.

У многих людей первой ассоциацией, возникающей при упоминании слов право, юрист, юридический, является уголовное право, как будто это самая объемная, самая важная и непременно затрагивающая каждого человека отрасль права.

Уголовное право обладает карательным инструментарием, многие органы государственной власти функционируют исключительно для реализации задач уголовного преследования.

Важнейшими задачами уголовного наказания и отрасли права в целом являются воспитание граждан и предупреждение совершения преступлений лицами, не совершавшими, но потенциально могущими совершить таковые.

Уголовное право и связанные с ним отрасли (уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право и др.) стараются сделать процесс наказания, демонстративным, наглядным и доступным для восприятия другими гражданами, дабы никому не повадно было совершать уголовно наказуемые деяния.

Уголовное право – это отрасль права, представляющая собой совокупность норм, определяющих преступность и наказуемость деяний, основания уголовной ответственности, систему и порядок назначения наказаний, а также условия освобождения от уголовной ответственности и наказания. Единственным источником данной отрасли права является Уголовный кодекс Российской Федерации.

Центральное место в теории уголовного права и судебной практике занимали и занимают вопросы, связанные с понятием (определением) преступления, формулировкой его признаков.

Согласно статье 14 УК РФ, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, которое запрещено Уголовным кодексом под угрозой наказания.

Преступление является одной из разновидностей правонарушений, обладающей всеми свойственными им родовыми признаками и чертами и в то же время отличающейся от всех иных правонарушений своими специфическими особенностями.

В основе понятия преступления лежит деяние, т.е. конкретное поведение, деятельность конкретного лица. Никакие мысли, идеи человека не могут быть признаны преступными, если они не получили реализацию в поступках человека.

Степень разработанности проблемы. Существенный вклад в разработку и анализ института преступления внесли такие авторы юридической литературы, ученые, юристы, как Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергиевский, Д.О. Хан-Магомедов, А.И.Марцев, В.И. Баранов, Д.С. Злыденко, Н.Ф. Кузнецова, А.Ф. Кистяковский, В. Спасович, И.Я. Гонтарь, И.М. Тяжков, В.С. Наумов, Ю.Е. Пудовочкин и др.

Объект выпускной квалификационной работы – отношения характеризующие противоправность поведения.

Предмет выпускной квалификационной работы – выделение и изучение, в рамках заявленной темы, понятие и признаки преступления.

Целью написания выпускной квалификационной работы является рассмотрение понятия и признаков преступления по действующему уголовному праву России.

Задачи выпускной квалификационной работы:

- 1) охарактеризовать исторический характер преступления;
- 2) рассмотреть социальную природу преступления;
- 3) исследовать понятие и признаки преступления, и отграничение от иных видов;
- 4) изучить малозначительность деяния.

В качестве общенаучных методов, с помощью которых проводилось исследование, использовались метод структурного анализа, системный и исторический методы.

В качестве частно-научного метода выступил конкретно-социологический. К специальным методам, использовавшимся в работе, следует отнести сравнительно-правовой, исторический, формально-юридический метод, методы правового моделирования, различные способы толкования права.

Данные методы позволили наиболее последовательно и полно рассмотреть различные аспекты понятия преступления в рамках цели и задач исследования.

В процессе написания работы были использованы как общие учебники по дисциплине Уголовное право, так и монографии и журнальные статьи таких известных правоведов как Н.Ф. Кузнецова, Н.Д. Дурманов и др.

Особое внимание было уделено рассмотрению исторических аспектов эволюции понятия преступления, благодаря использованию монографий

В.Д.Спасовича и Н.Д. Дурманова. Для более полной характеристики признаков преступления использовались материалы судебной практики.

Структура работы обусловлена целью и задачами и состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Первая глава посвящена рассмотрению преступления как историческое явление. Вторая часть работы раскрывает правовую характеристику преступления и малозначительность деяния.

1 ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

1.1. Исторический характер преступления.

История развития отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что основным понятиям и институтам уголовного права уделялось особое внимание. История развития уголовного законодательства – это одновременно и история поиска оптимального дифференцирования преступлений на отдельные виды.

Об отдельных видах преступных деяний говорилось в древнейших нормативных документах [64].

«Русская Правда» трактует преступление как то, что причиняет вред определённому человеку, его личности и имуществу. Отсюда и термин для обозначения преступления – «обида» [41, с.120].

«Если убьёт муж мужа, то мстить брату за брата, или сыну за отца, либо отцу за сына, или сыну брата, либо сыну сестры. Если не будет мстителя, то сорок гривен положить за убитого...» [64, с.66].

Источниками, из которых мы получаем знания о преступлениях ранних периодов, служат: Новгородская и Псковская судные грамоты, Судебник 1497 года, Судебник 1509 года, Судебник 1550 года, Соборное уложение 1649 года, Свод законов Российской империи, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уголовное Уложение 1903 года и другие. Древнерусские памятники законодательства (до XVIII века) не дают определения преступления.

Судебник 1497 года судебный свод законов Ивана III, ограничивал права перехода крестьян от одного владельца к другому [29, с.258].

Соборное уложение 1649 года принято Земским собором, ухудшило положение крестьян, они превратились в собственность господ-бояр и помещиков [60, с.259].

В истории отечественного уголовного права вопрос о классификации уголовно наказуемых деяний нашел свое отражение в законотворческой идеологии и практике Российской империи в XVIII в. Возможно, как отголосок подразделения всех преступлений на главные и второстепенные, которое имело место в истории развития уголовного права, в эпоху Петра I в России входят в оборот понятия «преступление» и «проступок». По утверждению А.А. Лагецкого, последующие законодательные акты дореволюционного периода развития отечественного уголовного права проводили дифференциацию уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки [42, с. 19].

Таким образом, данная дифференциация вошла и в Свод законов Российской империи 1833 г., где в самостоятельном разделе – томе XV «О преступлениях и наказаниях вообще» – под преступлением понималось деяние, запрещенное под страхом наказания, а под проступком – под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления [60, С. 387 – 388].

В ст. ст. 1 и 2 Общей части первого российского уголовного кодекса -

Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. - дается определение преступления и проступка как противоправных деяний. Так, под преступлением понимается «всякое нарушение закона, чрез которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных Ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц» (ст. 1), под проступком - «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности или пользы» (ст. 2) [60, С. 173]. Статья 4 данного документа, в свою очередь, отражает наиболее полное общее определение уголовно наказуемого деяния: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано» [60, с.311].

В Уложении 1845 г. основные уголовно-правовые институты выделены значительно более четко и с точки зрения круга вопросов, вынесенных в общую часть, и с точки зрения формулирования важнейших понятий [61, с. 35.]. Впервые уголовно наказуемое деяние достаточно четко рассматривается как действие и бездействие. Не предусматривалась ответственность за бездействие в проекте уголовного Уложения 1813 г., Свод законов не формулировал этого положения достаточно четко. Таким образом, Общая часть Уложения 1845 г. закрепляла основные понятия преступления и проступка, стадии их совершения, системы и виды наказания, порядок его назначения и отмены [75, с. 21]. Также следует отметить большую по сравнению со Сводом законов (т. XV, ст. ст. 1, 2) юридическую четкость понятия преступления. Помимо этого, в Уложении 1845 г. сделана попытка дифференцировать преступление и проступок по объекту посягательства [36, с. 22 – 25] отказавшись от установленного в Своде законов деления по тяжести наказания.

Н. С. Таганцев, отдавая должное преобразованиям уголовного законодательства XIX в., при исследовании Уложения 1845 г., в частности отмечал крайнюю непоследовательность применения терминов «преступление» и «проступок» в Особенной части [70, с. 77] и приходили к выводу, что практического значения оно не имело. В издании 1886 г. это деление, по словам Н.Д. Сергиевского, было уничтожено [67, с. 58].

Наиболее разработанными с юридической точки зрения были нормы о классификации преступлений с учетом их тяжести, содержащиеся в последнем, кодифицированном уголовно-правовом акте императорской России – Уголовном уложении 1903 г., которое должно было заменить собой Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Уложение 1903 г. в зависимости от тяжести наказаний, налагаемых за совершение уголовно наказуемых деяний, предусматривало трехчленную классификацию преступлений:

- 1) тяжкие преступления;
- 2) преступления;
- 3) проступки [79, С. 67].

Помимо этого, при разграничении преступных деяний учитывалась и форма

вины. Авторы Уложения 1903 г. указывали, что тяжкие преступления наказуемы лишь при наличии вины умышленной, преступления - при наличии вины умышленной и неосторожной. Проступки наказывались при вине умышленной и неосторожной, но за исключением случаев, особо оговоренных в законе [80, С.6,7].

Важно подчеркнуть, что в этом документе классификация преступлений увязывалась с другими нормами и институтами Общей части уголовного права. В частности, отдельные виды преступных деяний учитывались при решении вопросов об ответственности российских подданных и иностранцев (ст. 9 Уложения 1903 г.) и несовершеннолетних (ст. 41 Уложения 1903 г.). Нормы о соучастии, о давности, о смягчении наказания или замене его более мягким также были тесно увязаны с классификацией преступлений (ст. ст. 51, 52, 68, 99 Уложения 1903 г.). Комментируя данную трехчленную классификацию уголовно наказуемых деяний, Н.Д. Сергиевский отмечал, что она «вводилась по соображениям практического удобства двоякого рода: процессуального и кодификационно-технического. В первом случае это деление соответствовало разделению судов на высшие, средние и низшие и объему подсудности каждого из них. Во втором оно значительно облегчало редакцию статей Кодекса, давая возможность кратким термином заменить подробное описание целой группы деяний» [65, С. 67]. Н.С. Таганцев, констатируя деление в Уголовном уложении уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки, называя последние полицейскими посягательствами, писал: «Уголовные и полицейские посягательства представляются особой группой уголовно наказуемых деяний, а отнюдь не отдельными родами неправды» [71, с. 56].

Нетрудно заметить, что современные специалисты давали высокую оценку нормам о классификации преступлений Уложения 1903 г. и даже предлагали восстановить это традиционное деление всех преступлений на три категории, подчеркивая значимость такой классификации, ее роль, социальное и уголовно-правовое значение [25, с. 73]. Все же данное положение не было воспринято в следующих нормативных актах.

Так, в послеоктябрьский период УК РСФСР 1922 г. отказался от законодательного закрепления трех категорий уголовно наказуемых деяний, известных Уложению 1903 г. Несмотря на это, ряд авторов утверждали, что наличие в УК РСФСР 1922 г. группы преступлений, дела по которым рассматривались народным судьей единолично, свидетельствует о том, что этот Кодекс кроме преступлений различал и проступки [53, с. 66 – 67; 57, с. 38.]. Помимо этого о негласном закреплении трех различных категорий преступлений свидетельствует и тот факт, что при определении сроков давности законодатель по-прежнему разделял три группы преступлений. Однако законодательное закрепление получили две категории преступлений. Так, согласно ст. 27 УК РСФСР 1922 г. преступлениями являлись.

1. направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными, по которым определенный Кодексом низший предел наказания не подлежит понижению

судом.

2. все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого судом наказания [41, с. 32].

Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. и вовсе сузили рамки первой категории преступлений и согласно ст. 2 различали две категории преступлений по их общественной опасности и конструкции санкций статей УК. К первой категории преступлений относились «наиболее опасные, направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих крестьян». Ко второй – «все иные». Согласно Основам 1924 г. за первую категорию санкции конструировались с указанием нижнего предела, не подлежащего смягчению. В санкциях второй категории, напротив, указывались высшие пределы наказания.

УК РСФСР в редакции 1926 г. не содержал в себе решения проблемы классификации преступлений. Хотя предложение о необходимости дифференцирования преступлений на три категории в зависимости от наказания было внесено в 1926 г. на VI Всероссийском съезде деятелей юстиции. Согласно ему первую категорию должны были представлять особо опасные преступления, за совершение которых предусматривалась смертная казнь, во вторую группу должны были войти общественно опасные деяния, за совершение которых предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет и выше до максимального срока. Третья категория должна была быть представлена социально вредными деяниями, за которые наказание в виде лишения свободы предусматривалось до двух лет либо другое более мягкое наказание. Причем наибольший интерес представляла третья категория, которая подразделялась на преступления, за которые применялись исключительно меры морального воздействия, социально вредные действия, за которые наряду с мерами общественного воздействия применялись бы принудительные работы и другие наказания без лишения свободы. И наконец, преступления, за которые наряду с лишением свободы до одного года или наказанием без лишения свободы в обязательном порядке применялась бы ссылка с запрещением возвращаться в данную социальную среду.

Предложение не было реализовано, и в принятом в 1926 г. УК РСФСР различались две категории общественно опасных деяний: посягательства, направленные против основ советского строя, признававшиеся наиболее опасными, и все остальные (ст. 46) [29, с. 234]. На основании употребления в ст. 95 этого Кодекса нового понятия – «тяжкое преступление» – можно отметить некоторую дифференциацию деяний по степени их тяжести: наиболее тяжкие, по которым закон допускал применение высшей меры защиты (ст. 21); тяжкие – другие посягательства на основы власти, по которым в законе указан минимум уголовно-правовой санкции (ст. 46), и все остальные общественно опасные деяния (ст. 46), по которым указан максимум санкции за конкретное деяние.

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в состояние криминогенной обстановки. Изменилась структура преступности, лицо уголовных преступников, а также методы совершения преступлений. Война как

общественно-политическое явление стала главной причиной возникновения отдельных видов и условием роста общего числа преступных деяний, который наблюдается с 1942 г. [15, с. 38].

Характер преступности зависел от совокупности социальных, экономических, политических, географических, культурных и иных факторов, присущих тому или иному региону. Удаленность от фронта в этой связи не играла определяющей роли. Так, Южный Урал, находясь в глубоком тылу, также испытывал ухудшение криминогенной обстановки, которое было связано с наплывом преступного элемента и расширением его деятельности. Ситуация усугублялась тем, что война привела к громадным перемещениям населения из западных районов страны в восточные и юго-восточные области. Резко выросло за счет эвакуированных и население Башкирской АССР, Челябинской и Чкаловской областей, где было размещено несколько сотен предприятий из Москвы, Ленинграда, Харькова, территории Украины, Белоруссии и других республик [49, С. 166].

В годы войны в целом значительно осложнилась работа по борьбе с преступностью. Это связано, прежде всего, с активизацией уголовного элемента в условиях чрезвычайных обстоятельств, сложностями, которые испытывали правоохранительные органы в связи с кардинальным изменением условий и расширением сферы деятельности, а также с распространением новых видов преступных деяний, вызванных спецификой военного времени и связанными с ним трудностями. Среди последних следует выделить такие, как дезертирство, хищение и подделка продовольственных карточек, членовредительство, самогонование, новые виды мошенничества.

Как свидетельствуют архивные документы, более 60 % всех преступлений, совершенных в годы войны, составляли кражи всех видов. Для сравнения: процент совершаемых разбойных нападений и грабежей составлял 1,7 %, хулиганства – 1,4 %, убийств – 0,7 %. Значительная доля преступных деяний была представлена преступлениями в экономической сфере, особенно расширялась спекуляция.

Пик преступности в военный период наблюдается в 1944 г., причем увеличение числа преступных проявлений произошло по всем направлениям преступной деятельности, хотя общий уровень не выходил за рамки последних предвоенных лет. В 1941 г. по сравнению с 1940 г. уголовная преступность уменьшилась на 52 % и составила, по разным данным, от 421 379 до 460 460 фактов, затем вновь начала увеличиваться. Если с 1942 г. происходит постепенное нарастание преступлений (+22 % в 1942 г., +20,3 % в 1943 г., +10,8 % в 1944 г.), то начиная с 1945 г., благодаря принимаемым профилактическим мерам, активизации действий общественности, расширению спектра общественного воздействия на криминогенную обстановку и развитию форм содействия милиции и органам внутренних дел, преступность начинает последовательно снижаться. В 1945 г. удалось добиться резкого снижения зарегистрированных уголовных преступных деяний (на 17,3 %), в последующие годы органы внутренних дел данную тенденцию смогли удержать, несмотря на объективные трудности, связанные с выходом на свободу большого числа заключенных в связи с

проводимыми амнистиями, значительным количеством разных видов оружия, в том числе огнестрельного, находившегося у населения после войны, и другими обстоятельствами [15, с. 39].

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. классификация преступлений на отдельные виды не была завершена. В первоначальной редакции Основ ее вовсе не было. В 1970 г. в Основы была включена ст. 7.1, которая вводила понятие тяжкого преступления. В 1977 г. в Основы была включена норма о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

УК РСФСР 1960 г., в свою очередь, не содержал стройной классификации описанных в нем посягательств, однако в нем упоминались такие категории преступлений, как тяжкие, особо тяжкие, а также не представляющие большой общественной опасности. Выражая господствующее в литературе мнение, Д.О.Хан-Магомедов отмечал, что в действующем уголовном законодательстве отсутствует классификация по степени их общественной опасности на основе какого-либо единого критерия, что вряд ли можно считать правильным [84, с. 24].

В статье 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. 7 УК РСФСР 1960 г.) было сказано: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его экономическую и политическую системы, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом». Здесь материальное определение понятия преступления, раскрывая природу преступления как деяния общественно опасного, вместе с тем теснейшим образом сочеталось с формальным (нормативным) признаком определения преступного деяния как деяния, запрещенного уголовным законом.

Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с законодательными определениями преступления в России, со второй половины XIX в. стали появляться теоретические дефиниции преступления, вырабатываемые наукой уголовного права.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., не вступившие в силу из-за распада СССР, ввели отдельную норму о классификации преступлений. Статья 9 Основ «Классификация преступлений» устанавливала:

«Преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяются на преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие».

К преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное, более мягкое наказание, а также преступления, совершенные по неосторожности, где законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет либо иное, более мягкое наказание.

К менее тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше пяти лет, а также преступления, совершенные по неосторожности, где законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет.

К тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше десяти лет.

«К особо тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, где законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или смертная казнь» [41, с. 32].

Примечательно, что при обсуждении проекта Основ предлагалось именовать первую категорию преступлений уголовными проступками, и российский проект УК 1992 г., восприняв приведенную классификацию, содержал упоминание об «уголовном проступке» в характеристике преступлений первой категории, т. е. не представляющих большой общественной опасности, одновременно сузив их круг деяниями, наказуемыми по закону мерами государственного воздействия, не связанными с лишением свободы. Но, несмотря на определенную неэффективность существующей на тот момент уголовно-правовой системы, это, как известно, не нашло своего отражения в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г.

Заслуживает должного внимания и еще один документ – Модельный уголовный кодекс, принятый 17 февраля 1996 г. Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. Так, ст. 18, которая по своему содержанию максимально приближена к ст. 15 УК РФ, предусматривает четыре категории преступлений. Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за которые максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы. Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за которые максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за которые максимальное наказание не превышает двенадцати лет лишения свободы. Особо тяжкими признаются умышленные преступления, за которые предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет или более тяжкое наказание. Примечательно, что неосторожные преступления здесь относятся лишь к категориям небольшой и средней тяжести.

Как видно, основной вопрос заключался в том, что в классификации преступлений должны найти отражение социальная природа преступления, его наиболее существенные признаки. При этом необходимо соблюдать системный подход, т.е. внутреннюю связь признаков преступления, которые позволяют выделить определенную категорию преступлений [20, с. 49 - 50; 39, С. 25]. Таким признаком, отражающим социальную природу преступления, большинство специалистов называют общественную опасность деяния. Ее качественные и количественные параметры используются для разграничения преступлений на отдельные виды в целях дифференциации уголовной ответственности и

индивидуализации наказания. В науке уголовного права существуют и иные точки зрения. В качестве критериев классификации назывались: размер причиненного ущерба, форма вины, конкретный перечень преступных деяний. Но все эти критерии в своей совокупности и предполагают различное качество и количество общественной опасности [23, с. 160].

Таким образом, ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства в части интересующего нас вопроса свидетельствует о том, что в советский период категория «уголовный проступок» из уголовного законодательства была исключена. Вместе с тем появилась категория преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

1.2. Социальная природа преступления

Социальная природа преступления имеет своё проявление в воздействии на окружающую действительность, т. е. в полученных последствиях. Поскольку преступное деяние влечёт наступление вредных последствий для охраняемых законом личных и общественных интересов, оно, в сравнении с другими правонарушениями, всегда получает более отрицательную юридическую оценку.

Преступное поведение – это, как было отмечено ранее, сознательное поведение человека, который отдаёт отчёт своим поступкам и способен руководить ими. Оно может выражаться как в активной деятельности (действии), так и пассивной (бездействии). Бездействие имеет уголовно-правовое значение лишь в том случае, если лицо было обязано и имело реальную возможность совершить определённое действие.

Социальная природа преступления в уголовном праве исследуется посредством анализа определенных групп.

1. по полу, поскольку с ним связаны разного рода общественные функции граждан, особенности их статуса и поведения. Для женщин свойственна меньшая насильственная криминальная активность. Вследствие этого, в населенных пунктах, где проживает меньше мужчин, реже происходят насильственные деяния.

2. по возрасту, поскольку для каждого временного отрезка в жизни человека характерны те или иные формы преступной активности. Более молодые лица в большинстве случаев совершают грабежи, изнасилования, разбои, хулиганства. Люди в возрасте после 50-ти лет склонны больше к экономическим преступлениям, незаконным деяниям с применением служебного положения и так далее [69].

У каждой народности есть свои обычаи, устои. Люди, воспитанные в каких-то традициях, демонстрируют их проявление на основании того, что те или иные поступки не вызвали бы осуждение у родственников, не послужили бы изгнанием из привычной им среды. Формы преступных поведенческих актов могут быть связаны с отрицательными явлениями, распространенными в той либо другой национальной области.

С ним тесно связана социальная природа сущности объекта преступления. При изучении криминализации выделяют такие моменты, как: соотношение организаций и предприятий различной специализации.

Социально-профессиональный состав граждан (работники науки, культуры, здравоохранения, промышленности, транспорта и так далее).

Преступление имеет социальную природу, поскольку является актом человеческого поведения, порождаемого прежде всего общественными связями и отношениями, в которых живет и развивается человек, хотя, конечно же, непосредственной причиной преступного поведения выступает волевой акт конкретной личности.

Воля - это способность к преодолению препятствий, избирательно реагировать на внешние факторы. Воля является силой, позволяющей человеку овладеть чувствами и подчинить их разуму [44, С. 10]. Волевой акт – это акт, свободно избираемый человеком в пределах своего сознания и в условиях конкретной обстановки.

Социальная природа преступления проявляется прежде всего в воздействии его на окружающую действительность, т. е. в его последствиях. Именно в силу того, что преступление вызывает наступление вредных для охраняемых уголовным законом личных и общественных интересов последствий, оно неизменно получает наиболее отрицательную юридическую оценку среди всех иных правонарушений.

Характеризуя преступление как социальное и юридическое явление, необходимо подчеркнуть, что это сознательный поступок человека, разновидность его поведения. Вместе с тем в основе любого преступления лежит конфликт между личностью и обществом, его глубина представляет общественную опасность и потому требует применения мер уголовно-правового реагирования. Однако особенность права состоит в том, что оно нейтрально к внутреннему миру человека [69].

Намерения, цели, ради осуществления которых человек не предпринимает действий, не относятся к области уголовно-правового регулирования, поскольку не создают общественной опасности причинения вредных последствий. Уже в Дигестах Юстиниана существовало положение римского права: никто не несет наказания за мысли (*cogitatio-nis roenam nemo patitur*). Этот принцип лежит и в основе российского уголовного права, подчеркивая, что основанием уголовной ответственности может быть только преступное поведение, а не антиобщественные свойства личности. Поэтому для характеристики преступного поведения законодатель употребляет термин «деяние».

Преступное поведение – это сознательное поведение человека, отдающего себе отчет в своих поступках и способного руководить ими. Оно может быть выражено как в активной деятельности (действии), так и в пассивной форме (бездействии). Бездействие имеет уголовно-правовое значение лишь в том случае, если лицо было обязано и имело реальную возможность совершить определенное действие.

Таким образом, преступление – всегда исключительно акт внешнего поведения человека, т. е. деяние, совершенное в форме действия или бездействия и протекающее под контролем его сознания и воли. Бессознательное поведение либо поведение, обусловленное непреодолимой силой исключают свободное волеизъявление, а потому не могут быть признаны преступными.

Понятие преступления в уголовном праве России базируется еще на одном важнейшем принципе – *Nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на него в законе»). Действующее российское уголовное законодательство рассматривает в качестве преступления только такое противоправное поведение человека, которое специально предусмотрено в диспозициях статей Особенной части УК РФ.

Принятие Уголовного кодекса РФ в 1996 г. привело к появлению новых монографий в области исследования понятия преступления, которые основаны на социологической концепции правопонимания. Например, это работы А.И.Марцева «Вопросы учения о преступлении и ответственности» [47], «Общие вопросы учения о преступлении. 1920–2000» [47]. Положения второй монографии представляют интерес в целях исследования понятия преступления, так как автор предпринял попытку охарактеризовать социально-правовую природу преступления, изучив преступление как социальное явление, правовое явление и как конфликтное отношение. А.И. Марцев считает, что уровень преступности должен определять уровень карательного воздействия. В настоящее время очевидным фактом является рост преступности, а вот уровень карательного воздействия, закрепленный УК РФ, остался прежним, поэтому говорить об эффективности общего предупреждения преступлений не представляется возможным [47, С. 34].

Тем самым автор высказался за ужесточение существующего уголовного законодательства. А.И. Марцев попытался рассмотреть преступление как конфликтное отношение не только с точки зрения социальной, правовой, но и с философской позиции. Таким образом, автором было проведено комплексное социально-правовое исследование понятия преступления, закрепленного в УК РФ, был дан исторический анализ норм о понятии преступления, были выявлены современные проблемы, требующие насущного разрешения. Можно констатировать, что за последние годы это одна из самых значительных работ в области понятия преступления.

В настоящее время предлагаются новые подходы к изучению уголовного права, его основных понятий, механизма эффективности. Обращаясь вслед за немецкими учеными к проблеме символического и рационального, А.Э.Жалинский предложил наряду с философским, логическим осмыслением обратиться к экономическим теориям, к экономическому анализу норм уголовного права [18, С. 51 – 57].

Исследованию гуманистических идей в учении о преступлении посвящена работа А.А. Толкаченко [72, С. 37 – 40].

Продолжает развиваться криминологическое направление, проводятся активные исследования понятия преступления с исторических позиций (историко-

аналитическое направление), понятие преступления рассматривается также в сравнительно-зарубежном и теоретико-исследовательском аспектах, получили дальнейшее развитие учебно-методическое и практическое (эмпирическое) направления научной мысли.

Теоретические концепции, посвященные понятию преступления, также широко обсуждались на страницах периодической печати. Таким образом, ученые выявили тенденцию к снижению «материальности» в понятии преступления, в связи с этим активизировалась дискуссия о материальных и формальных признаках преступления. Были высказаны предложения о том, что признак противоправности должен иметь приоритетное значение в законодательстве, так как он в наибольшей степени способствует осуществлению охранительной функции законодательного определения преступления. Сейчас в отечественном праве главное значение придается признаку общественной опасности как субъективно-объективному свойству преступления, которое определяется тем вредом, которое преступное деяние реально причиняет или причинением которого оно реально угрожает.

В.И. Баранов указал на необходимость внесения изменений в понятие преступления в связи с государственно-политическими и социально-экономическими реалиями России. Материально-формальное определение понятия преступления предполагает, что деяние, формально подпадающее под признаки того или иного вида преступления, должно обладать достаточной степенью общественной опасности, чтобы решить вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности. Законодатель попытался уточнить понятие малозначительности. Как справедливо отмечает В.Н. Баранов, понятие малозначительности деяния (не причинившего вреда и не создавшего угрозы причинения вреда) нелогично, поскольку как можно говорить об общественной опасности, если вред не причиняется. Такой подход был доработан, и в 1998 г. законодатель вернулся к формулировке, содержащейся в УК РСФСР 1960 г. В.Н. Баранов предложил закрепить в законе обстоятельства, исключающие преступность деяния: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения и другие обстоятельства, являющиеся общественно полезными для интересов личности, общества или государства [8, С. 4 – 5].

С теоретических позиций подошел к исследованию понятия преступления Д.С. Злыденко. Автор рассмотрел актуальную проблему о классовой сущности понятия преступления. Он доказал (со статистическими выкладками), что общество в настоящее время разделилось на классы и необходимо констатировать факт наличия классовой сущности уголовного закона [21, С. 14].

В последние несколько лет было издано несколько учебников уголовного права под редакцией Р.Р. Галиакбарова [13]. Автором рассмотрены положения о понятии преступления с точки зрения истории уголовного права России, а также в сравнении с зарубежным уголовным законодательством. Р.Р. Галиакбаров указал, что в период подготовки УК РФ 1996 г. выявились два подхода к определению понятия преступления: материально-формальный и формальный. Несмотря на то,

что первый подход был положен в основу понятия преступления и напоминает понятие преступления, закрепленное в предыдущем Уголовном кодексе, все же, по мнению автора, можно выделить существенные отличия. Определение, содержащееся в УК РФ 1996 г., ориентировано на защиту общечеловеческих ценностей, следовательно, законодатель отказался от классового подхода.

Преступление как социальное явление можно осознать через понимание основных признаков данного понятия: общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости.

Характеризуя признак общественной опасности, автор указал на необходимость четкого разграничения характера и степени общественной опасности (особенно это актуально для правоприменительной деятельности). Он пришел к выводу о том, что о характере общественной опасности преступления можно судить, сравнивая его с преступлениями других видов, а о степени общественной опасности – посредством сравнения с другими преступлениями этого же вида. Сравнивая общественную опасность с противоправностью, автор указал, что они соотносятся как форма и содержание, т. е. общественная опасность – это содержание преступления, а противоправность – это юридическое выражение этого содержания.

Наказуемость как признак преступления связана и с общественной опасностью, и с противоправностью следующим образом: чем большей общественной опасностью характеризуется преступление, тем более строгое устанавливается наказание. Автор указал, что наказуемость нельзя понимать как обязательное назначение наказания, указанного в санкциях статей УК РФ, в силу того, что наказание не является единственным правовым средством реагирования на совершенное преступление. Р.Р. Галиакбаров абсолютно правильно отметил, что любое преступление всегда причиняет ущерб конкретным людям. Объем этого зла не зависит от политического строя, установившегося в конкретном государстве. Понятие преступления отражает представление общества о круге тех посягательств, которые серьезно ущемляют интересы людей, общества, государства. Эти интересы идентичны общечеловеческим ценностям. Именно их защищает закон с помощью своих средств [Галиакбаров, с. 78].

Говоря о социальной природе преступления, следует сказать несколько слов о преступности, как о явлении, которое и порождается совершением преступлений.

Преступность – это совокупность всех преступлений, совершаемых в обществе. Она характеризуется определенным динамикой, структурой и состоянием. Преступность можно определить как «относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер явление классового общества, слагающиеся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период» [38, с.173].

В МВД Российской Федерации проанализировали статистику состояния преступности в стране за 9 месяцев 2017 года. Так, за период январь – сентябрь 2017 года зарегистрировано 1551,6 тыс. преступлений, или на 6,9 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений

отмечен в 17 субъектах Российской Федерации, снижение – в 68 субъектах. Органами внутренних дел, выявляется 92,5 % всех зарегистрированных преступлений, причем 4,3 % из них – на стадии приготовления и покушения. Всего, на этих стадиях выявлено 62,0 тыс. преступлений (5,7 %). Значительная часть (41,1 %) преступлений регистрируется в республиканских, краевых и областных центрах – всего 638,3 тысяч преступлений, пятая часть из них (21,7 %) регистрируется в сельской местности, где зарегистрировано 336,9 тыс. преступлений, что на 7,6 % меньше, чем за январь – сентябрь 2016 года. В результате преступных посягательств погибло 22,4 тыс. человек (+1,1 %), тяжкий вред здоровью причинен 40,3 тыс. человек (+19,8 %). На сельскую местность приходится 36, 5% погибших (8,2 тыс. чел.), на города и поселки, не являющиеся центрами субъектов Федерации – 27,9 % лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред (11,2 тыс. человек.). Ущерб от преступлений (по окончанным и приостановленным уголовным делам) составил 314,5 млрд. руб., что на 25,6 % меньше аналогичного показателя прошлого года. Почти две трети ущерба (63,4%) приходится на преступления, зарегистрированные в центрах субъектов Российской Федерации. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных, увеличился с 21,5 % в январе – сентябре 2016 года до 21,8 %. Более половины всех зарегистрированных преступлений (51,5 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 587,0 тыс. (12,8 %), мошенничества – 162,2 тыс. (+4,0 %), грабежа – 43,6 тыс. (7,6 %), разбоя – 6,7 тыс. (21,1 %). Каждая четвертая кража (28,2 %), каждый двадцать второй грабеж (4,6 %), и каждое десятое разбойное нападение (10,2 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать второе (3,1 %) зарегистрированное преступление - квартирная кража. В январе – сентябре 2017 года их число сократилось на 7,7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем - сентябрем 2016 года увеличилось на 2,3 % и составило 22,7 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств уменьшилось на 8,3 % (929 преступлений). В январе – сентябре 2017 года с использованием оружия совершено 4,0 тыс. преступлений (7,9 %). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Свердловской области (186), Краснодарском крае (159), г.Москве (147), Республике Дагестан (145), Московской области (129). В январе - сентябре 2017 года зарегистрировано 17,9 тыс. экологических преступлений, что на 1,2 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с периодом января – сентября 2016 года, на 3,6 % сократилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 89,8 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений, в общем числе зарегистрированных составил 5,8 %. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным и приостановленным уголовным делам) составил 196,0 млрд. руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности

составили 58,6 %. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 77,5 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 86,3 %. В январе – сентябре 2017 года выявлено 158,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,3 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом, сотрудниками органов внутренних дел выявлено 151,4 тыс. преступлений (+21,1 %). По сравнению с периодом январь – сентябрь 2016 года, на 6,8 % возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, также увеличился их удельный вес, в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков с 48,8 % в январе - сентябре 2016 года до 50,4 % – в текущем году. В январе – сентябре 2017 года зарегистрировано 1497 преступлений террористического характера (16,6 %) и 1189 преступлений экстремистской направленности (+2,4 %). В общественных местах зарегистрировано 551,1 тыс. преступлений (8,9 %). На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 351,4 тыс. (7,9 %) преступлений, в том числе: 21,2 тыс. (12,9 %) грабежей, 130,7 тыс. (9,7 %) краж, 2,3 тыс. (15,8 %) разбойных нападений. На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 63 разбойных нападения (41,7 %), 168 грабежей (4,5 %), выявлен 81 факт незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей, боеприпасов (8,0 %). За период января – сентября 2017 года раскрыто 855,5 тыс. преступлений (7,9 %), в том числе, 375,2 тыс. преступлений – следствие по которым обязательно (8,4 %) и 480,3 тыс. преступлений – следствие по которым необязательно (7,5 %). Сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 698,4 тыс. преступлений (7,2 %), что составляет 81,6 % всего массива предварительно расследованных преступлений, сотрудниками следственных органов Следственного комитета Российской Федерации – 112,5 тыс. преступлений (8,0 %), что составляет 13,1 % всего массива, сотрудниками службы судебных приставов – 38,5 тыс. (+22,3 %). Не раскрыто 594,5 тыс. преступлений, что на 14,4% меньше аналогичного показателя за январь – сентябрь 2016 года. Из этого количества, на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 21,5 % (в январе – сентябре 2016 года – 21,4 %). Остались нераскрытыми 403 убийства и покушений на убийство (21,1 %), 958 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (27,3 %), 324,0 тыс. краж (18,5 %), 12,7 тыс. грабежей (24,5 %), 1,4 тыс. разбойных нападений (36,0%). В связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, остались нераскрытыми 580,0 тыс. преступлений (14,5 %). Преступлений прошлых лет за январь – сентябрь 2017 года раскрыто 43,6 тыс., что на 6,6 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. 25,3 % из них составляют тяжкие и особо тяжкие преступления (всего – 11,0 тыс.). Выявлено 739,7 тыс. лиц, совершивших преступления (6,6 %). Удельный вес лиц без постоянного источника дохода остался на уровне января-сентября 2016 года и составил 66,1 %, а удельный вес ранее судимых лиц вырос с 27,0 % до 28,2 %. Больше половины (57,6 %) расследованных преступлений совершено лицами,

ранее совершавшими преступления, каждое третье (33,9 %) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать седьмое (3,7 %) – несовершеннолетними или при их соучастии. Организованными группами или преступными сообществами совершено 10,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+1,9 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 5,6 % в январе – сентябре 2016 года до 6,3 %. Иностранцами гражданами и лицами без гражданства, на территории Российской Федерации совершено 31,6 тыс. преступлений, что на 8,6 % меньше, чем за январь – сентябрь 2016 года, в том числе, гражданами государств – участников СНГ – 28,0 тыс. преступлений (7,6 %), их удельный вес составил 88,5%. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства увеличилось на 1,7 % и составило 12,0 тысяч преступлений.

Выводы по разделу 1.

Таким образом, давая характеристику преступления как социального и юридического явления, следует подчеркнуть, что это один из видов сознательного поведения человека. Вместе с тем основу любого преступления составляет конфликт между обществом и личностью, его глубина как раз и представляет общественную опасность, а потому и требует применения мер уголовно-правового реагирования для его разрешения.

Социальная природа преступности требует системного подхода к предупреждению преступлений, постоянного взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Органам прокуратуры Законом и самой сущностью их надзорной функции отведена координирующая роль в этом взаимодействии, конструктивное объединение усилий всех субъектов профилактики.

Как явствует из предшествующего изложения, социальная природа преступности определяется, во-первых, ее историческим происхождением. Известно, что преступность как массовое явление появилась лишь в определенных социальных условиях – с возникновением классов, государства и права. Право, как и правонарушения, возникает лишь тогда, когда родовой строй превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей.

Правовые нормы закрепляют социальные интересы людей, отражают их экономические, политические и прочие потребности. Соответственно, правонарушения и преступления направлены против этих потребностей и интересов. Дифференциация классовой и социальной структуры общества привела к возникновению противоположных общественных интересов, к необходимости закреплять определенные формы поведения в нормах права. Не классические катаклизмы, не изменение генетической природы человека, не техническая революция, а социальное развитие общества, достижение им определенного этапа своего развития, связанного с появлением классов, частной собственности и государства – вот основная причина появления преступности и других правонарушений.

Во-вторых, социальная природа правонарушений и преступлений проявляется в конкретном содержании составляющих их действий (или бездействия) людей.

Всякий человеческий поступок есть «кирпичик» социальной действительности; не может быть преступника вне общества. В этом смысле любое поведение социально; не является исключением и поведение, представляющее собой нарушение правовой нормы, в том числе и преступное.

В-третьих, социальная природа правонарушений проявляется в их результатах- в том уроне, который они наносят интересам общества. Этот урон нельзя рассматривать только как физический (материальный) ущерб, причиняемый имуществу конкретных людей, их здоровью или жизни.

В-четвертых, количественные и качественные показатели состояния, структуры и динамики правонарушений испытывают существенные изменения в связи и в зависимости от изменений, происходящих в условиях социальной жизни людей. Здесь социальная природа правонарушений проявляется, пожалуй, наиболее отчетливо. Отмечая это обстоятельство, Н.Ф. Кузнецова писала: «Преступность исторически изменчива как по социальной сущности, так и по месту (в разных государствах и в разных социально-экономических формациях неодинаков круг преступлений), и по времени (объем уголовно наказуемых деяний меняется по мере исторического развития государства даже одной формации)».

Социальная природа преступления состоит в его направленности на личность, права и свободы человека, конституционный строй Российской Федерации, общественный порядок и общественную безопасность, на мир и безопасность человечества.

Преступление носит социальный характер, его воздействие направлено на дестабилизацию общественной жизни и возможность причинения значительного вреда обществу или отдельной личности.

Вопрос о социальной природе преступления произведен от социальной природы общества. Ответ на него означает определение того, где лежит граница между дозволенным и запрещенным, чьи потребности и интересы защищает закон. В обществе, разделенном на классы, понятие преступления было и остается классовым.

Таким образом, преступность – это социальное и правовое явление. Она социальна потому, что слагается из деяний, совершаемых людьми в обществе и против интересов всего общества или основной его части. Преступность социальна по своему происхождению, содержанию и судьбе.

2 ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ

2.1. Понятие и признаки преступления. Отграничение от иных видов

Мнения русских учёных XIX века разделялись по поводу определения понятия преступления.

Современники критиковали определение преступления за излишнюю формальность. Теоретики отмечали отсутствие материальных признаков в составе определения преступления.

Н. С. Таганцев определял преступление как «деяние, посягающее на юридическую норму в её реальном бытии, деяние, посягающее на охраняемый юридической нормой интерес» [71, с.141].

Он отходил от строго формального определения противоправности деяния, признаваемого преступлением, но обращал внимание на то, что важно посягательство на жизненный интерес, на общественные отношения, охраняемые нормой, то есть, по сути, давал первое в отечественной правовой доктрине определение преступления как общественно опасного деяния.

А. Ф. Кистяковский возражал ему, указывая на то, что определение преступления, как, говоря современным языком, общественно опасного деяния («посягательство на неприкосновенность права и безопасность общества»), вызовет «запутанность» в практическом применении уголовного закона [26 с.235].

В. Спасович давал формальное определение понятия преступления, тождественное понятиям, которые давались учёными европейских стран. Он определял его как «деяние, запрещённое законом под страхом наказания» [27с.83].

Он признавал правовую доктрину, господствующую в то время. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было крайне консервативным, и поэтому вскоре после его принятия началась работа по его доработке, продлившаяся 22 года, но в итоге прогрессивное Уложение 1903 г., разработанное под руководством Н. С. Таганцева на смену Уложению 1845 года, так и не вступило в силу полностью.

Одной из первых работ, посвященных изучению понятия преступления (после принятия нового Уголовного кодекса РФ), была монография И.Я. Гонтаря «Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве» [16]. В работе с философской точки зрения было рассмотрено явление преступления и его сущность, спорные вопросы понятий. Данный автор констатировал, что материальную основу преступления составляет общественно опасное деяние, и на этой предпосылке основано материальное определение преступления в российском уголовном праве послереволюционного периода. И.Я.Гонтарь заключил, что общественная опасность сама по себе не определяет существования явления преступления и поэтому не может быть сведена к его сущности. В результате был сделан вывод о том, что содержание статей

уголовного закона, определяющих признаки преступления, нельзя сводить к понятию, т. е. субъективному образу [14, с. 24].

Основываясь на том, что преступление как юридический факт может существовать только при наличии общественной опасности и противоправности деяния, И.Я. Гонтарь полагал, что сущность преступления не исчерпывается его общественной опасностью, а составляет соотношение равенства между общественно опасным деянием и содержанием предусматривающей его уголовно-правовой нормы. В противовес сложившейся концепции автор попытался доказать противоречивость устоявшейся формулы состава преступления как совокупности установленных законом признаков, отметив, что из нее не понятно, идет ли речь о признаках, содержащихся в реальном явлении общественно опасного деяния, или о признаках, составляющих содержание уголовно-правовой нормы как законодательного понятия об общественно опасном деянии.

Резкой критике была подвергнута теория о том, что единственным основанием уголовной ответственности является состав преступления. Вместе с тем спорными представляются выводы вышеуказанного автора о том, что состав преступления есть элемент явления преступления, а также о равнозначном положении общественной опасности и противоправности (по нашему мнению, общественная опасность является доминирующим признаком, а противоправность устанавливается для ликвидации произвола, который может возникнуть в ходе борьбы с преступностью). Неубедительными следует считать выводы автора о виновности как признаке общественной опасности деяния, а также об отсутствии необходимости включать наказуемость в понятие преступления, так как это само собой разумеется. Следовательно, трудно согласиться и с понятием преступления, предложенным данным автором.

Необходимо подчеркнуть, что Н.Ф. Кузнецов и И.М. Тяжкова [39] преступление рассматривали как деяние, т. е. действие или бездействие, причинившее общественно опасное последствие. Рассматривая общественную опасность, авторы сделали следующие выводы.

Общественная опасность составляет важнейшее социальное (материальное), объективное (т. е. не зависящее от правовой его оценки законом) свойство преступления. Общественная опасность по своему содержанию - это объективно-субъективная категория, которая определяется единством всех обязательных элементов преступления. В УК РФ общественная опасность рассматривается либо как объективная, либо как объективно-субъективная вредоносность. Общественная опасность служит основанием для криминализации деяний уголовным законом и привлечения лица к уголовной ответственности в случае, если оно виновно в совершении преступления. Общественная опасность является первым критерием индивидуализации наказания. Характер и степень общественной опасности определяет категоризацию преступлений. Общественная опасность – это такое специфическое свойство преступления, которое позволяет отличить преступление от неправомерных правонарушений и малозначительных деяний. Обязательным субъективным свойством преступления является вина, которая определяет собой психическое отношение лица к общественно опасному

действию (бездействию) и к общественно опасным последствиям такового. Без вины нет ни преступления, ни наказания. Вина определена УК РФ как субъективная подсистема, равнозначная объективной подсистеме общественно опасного деяния. Юридическими свойствами преступления являются уголовная противоправность (которая равнозначна такому его социальному последствию, как общественная опасность) и виновность (она вытекает из принципа законности, отражая общественную опасность деяния, и представляет собой оценку законодателем общественной опасности деяния). Уголовная противоправность складывается из запрета совершать соответствующее деяние и угрозы наказания, которые закреплены в санкции юридической нормы. Авторы однозначно решают проблему понятия преступления в пользу материального значения. В этой связи авторами высказана мысль о том, что материальное понятие преступления раскрывает его социальную сущность. Оно содержит такой признак, как общественная опасность, с указанием на то, каким социальным интересам причиняется вред преступлением.

Практическое (эмпирическое) направление исследования получило развитие на современном этапе. Так, в Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева [35] указывается, что понятие преступления носит формально-материальный характер, причем в нем предпочтение отдано материальному признаку – общественной опасности, кроме того, указывается и на другие признаки – виновность, противоправность, наказуемость. На материально-формальный характер понятия преступления указывается и В.С. Наумовым. Таким образом, формальный признак не допускает применения уголовного закона по аналогии. Только сам законодатель может восполнить пробелы в уголовном праве и криминализовать либо декриминализовать деяния. Поэтому, как считает В.С. Наумов, долг правоприменительных органов состоит в том, чтобы обнаружить новый вид общественно опасных деяний и поставить вопрос об их законодательном закреплении, об установлении за их совершение уголовной ответственности.

Описание нормативных правовых актов и теоретических концепций дано в книге Н.Е. Крыловой и А.В. Серебренниковой «Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии)».

Таким образом, чаще всего понятие преступления является формальным. Французские юристы считают, что формальное определение преступления бесспорно, однако не учитывают, что преступление – это деяние человеческое и социальное. В отличие от неоклассической школы уголовного права социологическая школа на первый план выдвигает не противоправность преступления, а интересы общества (США). В некоторых странах предпринимаются попытки комбинировать элементы неоклассической и социологической школ, в итоге появилось новое определение преступления - это противоправное действие или невыполнение обязанности, которые являются посягательством на интересы общества и которые влекут для виновного лица установленное правом наказание. Полагаем, что синтез теорий – это единственно правильный путь, по которому должно пойти уголовное право, посредством этого

пути традиционные теории дополнятся современным содержанием и будут иметь практическую значимость. Такой путь должен быть применен и в российском уголовном праве (формально-материальное понятие преступления должно вобрать в себя социальное начало).

Состав преступления существует не в жизни, а в уголовном законе. В жизни все преступления причиняют какие-либо последствия, характеризуются пространственными и временными рамками и т. д., но конструктор (законодатель) нередко оставляет их за пределами состава, обрисовывая соответствующее преступление в законе. Значит, признаки и элементы преступления, входящие в состав, устанавливаются, «задаются» уголовным законом, описываются в нем, предусмотрены им.

Нормативная природа состава преступления представляется очень важной характеристикой для его понимания. Только такой подход позволяет осуществить полную классификацию составов преступлений и понять многие явления, с ним связанные. Не случайно эта черта возводится иногда в ранг самой существенной в понятии состава. Так, И.Я. Гонтарь, проведя специальное исследование, пришел на основании его результатов к выводу, что «под составом преступления в теории уголовного права следует понимать содержащееся в уголовном законе описание признаков общественно опасного деяния» [14, С. 11]. По нашему мнению, с позиции логики «законодательное описание» не может выступать родовым признаком состава. И задачи УК, и его принципы, и вина, и соучастие, и наказание, и абсолютное большинство всего остального, из чего складывается уголовное право, описаны в уголовном законе. И все это в принципе существует в таком виде, в каком оно описано в уголовном законе. Но из данного факта отнюдь не вытекает, что «описание в уголовном законе» есть родовой признак того или иного феномена. Важно, что и как обрисовывается (описывается) в уголовном законе. И определение понятия как логический прием призвано ответить на этот главный вопрос, то есть призвано вскрыть суть понятия.

Сходным является мнение о том, что под составом преступления следует понимать «совокупность объективных и субъективных элементов, позволяющих определенное общественно опасное деяние признать соответствующим его описанию в статье уголовного закона» [74, С. 186].

Однако то обстоятельство, что состав таков, каково его описание в законе, И.Я. Гонтарь, подметил, на наш взгляд, верно. Так же, как верно подметил это свойство в составе преступления ряд других ученых (А.А. Пионтковский, В.С. Прохоров и др.), которых Н.Ф. Кузнецова назвала сторонниками «нормативистского понимания состава» или «нормативистами» [26, С. 306]. К такому же выводу пришел и Ю.Е. Пудовочкин: «Нормативистское учение о составе преступления наиболее точно отражает суть данного феномена» [58, С. 6].

Вслед за названными учеными мы также подчеркиваем, что состав преступления имеет нормативную или законодательную природу. Например, в реальной действительности (жизни) бандитизм, как правило, выражается в совершении вооруженной организованной группой различных корыстно-насильственных преступлений. Законодателем же его состав в ч. 2 ст. 209 УК

«урезан» и образуется уже самим фактом участия субъекта в такой группе (законодательная характеристика бандитизма). В этом и заключена сущность состава: преступления и их составы таковы, как они определены, выражены в уголовном законе.

Для познания сущности состава преступления необходимо также провести его сравнение с понятием преступления и малозначительного деяния. Споры на эту архиважную тему не утихают в теории уголовного права и по сей день. Понятно, что решение данных вопросов напрямую зависит от трактовки исследователем соотносимых категорий.

Понятие какого-либо преступления – это явно не реальное жизненное явление, а понятие о нем, в котором преступление отражено так же, как и в составе, в своих типичных и существенных признаках. Поэтому трудно согласиться и с Н.А.Лопашенко, которая указывает, что преступление и его состав различаются, среди прочего, по природе: «состав – законодательная конструкция, преступление – реальность, находящаяся в социальной жизни общества, хотя и несущее на себе отпечаток воли законодателя, признающего преступление преступлением» [43, С.133]. Если соотнести понятие об этом преступлении с понятием его же состава, то решение проблемы не будет столь очевидным [22, С. 16 – 29].

Наметив указанную отправную точку, перейдем на уровень соотнесения признаков искомых понятий (то есть проведем сравнение на понятийном уровне). В.Н. Кудрявцев, позиция которого поддержана многими отечественными криминалистами, следующим образом решает поставленный вопрос: «Признаки, характеризующие какой-либо состав преступления, в равной мере входят и в понятие об этом преступлении. В составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам преступления, а для понятия преступления это отнюдь не характерно. Иными словами, состав и понятие преступления различаются по их внутренней структуре, по степени упорядоченности одних и тех же признаков» [38, С. 59].

Однако структурированность признаков (с позиции логики, действительно, присущая составу преступления, но не характерная для понятия этого, же преступления), как представляется, – не главный отличительный признак соотносимых понятий. Понятие любого преступления (видовое понятие), естественно, включает и признаки родового понятия. Родовое понятие закреплено в ч. 1 ст. 14 УК. Можно спорить об удачности включения в набор признаков преступления виновности и наказуемости (так, виновность, как представляется, является частью запрещенности), но в любом случае непреложными останутся два фундаментальных свойства преступления – его общественная опасность и запрещенность уголовным законом (уголовная противоправность, предусмотренность уголовным законом, «формальный» признак преступления). И вот именно соотношение состава с этими признаками образует, на наш взгляд, центральный пункт рассматриваемой проблемы.

Господствующий до сих пор взгляд на соотношение состава преступления и общественной опасности был сформулирован еще А.Н. Трайниным. Приведем

ряд характерных цитат из его фундаментального труда «Общее учение о составе преступления»: «Лишь общественно опасное действие может образовать состав преступления. Доказательство наличия в действиях лица всех элементов предусмотренного законом состава преступления есть тем самым и доказательство общественной опасности этих действий» [73, С. 30, 32]. Иными словами, общественная опасность, как считал А.Н. Трайнин, содержится в составе преступления, рассредоточена по его элементам. Аналогичную позицию занимали В.Н. Кудрявцев («общественная опасность является неотъемлемой чертой состава» [38, С. 88] и М.И. Ковалев («общественно опасными являются действия, содержащие все признаки состава преступления»). Н.Ф. Кузнецова также указывала, что общественная опасность охватывается составом преступления, хотя и – конкретизирует она – его объективной стороной. «В структуре каждого конкретного состава преступления отражаются такие признаки преступления, закрепленные в ст. 14 УК РФ, как общественная опасность и противоправность», - отмечает и О.Ф. Шишов.

Как утверждают В.С. Прохоров и Н.И. Мацнев: «Понятие преступления, содержащееся в ч. 1 ст. 14 УК, и конкретный состав преступления, предусмотренный нормой Особенной части, соотносятся между собой как общее и частное» [76, С. 368]. Если сравнение проводить на одном уровне, то есть на уровне определенного преступления, то получается, что понятие этого преступления, включающее общие его признаки (общественную опасность и т.д.), и понятие его состава совпадают. При таком подходе состав преступления с точки зрения логики охватывает и общественную опасность.

Однако в доктрине встречаются и противоположные суждения - о том, что состав преступления не обладает общественной опасностью [9, С. 27]. Еще в «Ленинградском курсе» верно, отмечалось, что «опасно преступление, а не его состав», правда, с оговоркой относительно того, что состав должен выражать общественную опасность [52, С. 103 – 105]. Этот правильный, на наш взгляд, подход требует развития. Анализ категорий «общественная опасность» и «противоправность» (запрещенность) вкупе с ретроспективным изучением состава преступления, его природы и функционального назначения привел нас к выводу о том, что общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение «формального» признака преступления. Сегодня этот признак в ч. 1 ст. 14 УК РФ сформулирован как «запрещенность» деяния уголовным законом. Мы согласны с такой его лексической «оболочкой», поскольку преступления не только предусматриваются, но и запрещаются уголовным законом. Запрет (активного и пассивного поведения; последний есть юридическая обязанность - например, в ст.125 УК) хотя прямо и не выражен в тексте Особенной части УК, но подразумевается в ней и прямо закреплен как признак преступления в его определении.

Таким образом, в Особенной части УК преступления предусмотрены (обрисованы, описаны), что означает запрет их совершения уголовным законом. Отметим, что выражения «предусмотрено уголовным законом в качестве

преступления» и «запрещено уголовным законом» мы употребляем как синонимичные. Поэтому за фразой «запрещается», в сущности, понимается предусмотренность преступления уголовным законом, его описание в этом законе в качестве преступления.

Установление признаков состава преступления означает лишь тот факт, что содеянное запрещено уголовным законом, но еще ничего не говорит об опасности содеянного. Соотнесение деяния с составом и установление в результате соответствия между ними являются лишь основанием для предположения об общественной опасности содеянного. Однако это предположение в конкретном случае может быть опровергнуто, что явствует из содержания ч. 2 ст. 14 УК (нормы о малозначительности). Следовательно, для констатации преступления необходимо сначала установить, что содеянное соответствует признакам состава преступления (запрещено законом), а затем – что оно общественно опасно (то есть проверить, не является ли оно малозначительным). В этом смысле представляется верным суждение А.Э. Жалинского о том, что «противоправность описывается с помощью конструкции состава преступления» [19, С. 349].

Деяние, совершенное при обстоятельствах, исключающих его преступность (гл. 8 УК РФ), так же как, например, добровольный отказ от преступления, свидетельствует, по нашему мнению, об отсутствии в содеянном признака запрещенности, поскольку в таких деяниях отсутствует состав преступления. Выше отмечалось, что состав включает в себя признаки преступлений, указанные в том числе и в Общей части УК. Обстоятельства, влекущие непреступность деяния, выступают негативным, исключительным признаком состава, ограничивая действие признаков, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК.

Малозначительность же (ч. 2 ст. 14 УК) имеет иную природу, нежели обстоятельства, исключающие преступность деяния. Во-первых, это подчеркнул сам законодатель, расположив ее в статье, посвященной определению преступления, а не в гл. 8 УК. Во-вторых, в ч. 2 ст. 14 прямо указывается, что деяние содержит признаки, предусмотренные УК, то есть это деяние запрещено УК. Мыслимо возражение, что закон запрещает лишь преступления. Но с таким возможным возражением трудно согласиться, так как в ч. 1 ст. 14 УК общественная опасность и запрещенность выделены как два самостоятельных признака в понятии преступления. С позиции логики это означает, что некоторые деяния могут запрещаться, но не обладать общественной опасностью, а потому не являться преступлениями. Первый (если не единственный) претендент на отнесение к кругу запрещенных, но не опасных актов поведения – это, вне всякого сомнения, малозначительное деяние.

Включение малозначительности в состав преступления как негативного признака преступления приведет нас к парадоксальным выводам: например, о том, что большинство составов преступлений сконструировано по типу материальных составов или составов создания опасности. Ведь малозначительность означает отсутствие общественной опасности, а последняя концентрируется, как правило, в признаках существенного вреда либо создания

опасности его причинения. Поэтому если деяние не является малозначительным, оно, как правило, либо причиняет вред, либо создает угрозу его причинения. Поэтому через норму о малозначительности, которая якобы входит в состав преступления, мы вынуждены будем отказаться от выделения множества формальных, в том числе усеченных, составов, с чем обоснованно не согласится абсолютное большинство ученых, включая автора этих строк.

Таким образом, состав есть воплощение признака запрещенности (уголовной противоправности). Против этого тезиса может быть выдвинут еще один – этимологический – контраргумент. Речь ведь идет о составе преступления. Буквально получается, что этот состав может наличествовать лишь в преступлении. Если так, то в состав должны входить и все признаки преступления, в том числе общественная опасность, названная в ч. 1 ст. 14 УК. Но представляется, что этимология термина «состав преступления» не должна запутывать сути дела. Термин «состав преступления», как и многие другие, условен. Мы помним, что в момент своего появления он выступал процессуальной категорией, затем стал обозначать признаки преступления (по существу, слившись воедино с понятием преступления) [37 С. 122 – 123], но с тех пор его смысл претерпел дальнейшую эволюцию. Сегодня имеются основания утверждать, что под составом преступления должен пониматься набор признаков, соответствие которым содеянного свидетельствует о его предусмотренности уголовным законом, но не обязательно об опасности содеянного.

Основное функциональное назначение состава преступления – это обоснование уголовной ответственности, в частности применение состава преступления как базового инструмента в процессе квалификации деяния. В юриспруденции трудно переоценить значение формы. Состав преступления как раз и выступает той формой (системой признаков преступления – его нормативной моделью, законодательной конструкцией и т.п.), с которой удобно и легко работать правоприменителю (впрочем, ученому и законодателю тоже). Но за формой (составом) скрывается содержание, выяснение которого хотя и вторично для признания деяния преступлением, но также обязательно.

Таким образом, состав преступления соответствует уголовной противоправности как признаку преступления. В этом и состоит, по нашему мнению, главный разграничительный признак понятия преступления и понятия состава преступления – нахождение за рамками последнего признака общественной опасности и его «привязка» к предусмотренности уголовным законом (запрещенности).

Нельзя при этом не заметить, что в состав преступления включаются те же самые признаки, что образуют и противоправность этого преступления (то есть они описаны в Общей и Особенной частях УК). Данный факт, казалось бы, должен говорить о тождестве состава преступления и понятия запрещенности этого преступления. Но, как уже отмечалось, это не так. Несмотря на идентичный набор признаков, между ними есть разница. В содержании понятия, как известно из логики, признаки не структурированы. Следовательно, понятие запрещенности и состав преступления соотносятся как совокупность существенных признаков

преступления и структура этих самых признаков. В этой части, повторимся, мы разделяем мнение В.Н. Кудрявцева, писавшего, что «в составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам состава преступления, а для понятия преступления это отнюдь не характерно» [38, С. 59].

Но после изложенного выше ясно, что это, дополнительный, а не главный критерий разграничения преступления и его состава.

Итак, понятие состава преступления обозначает иную реальность (иной предмет), нежели понятие этого преступления. Состав преступления воплощает набор признаков, характеризующих деяние как запрещенное, предусмотренное законом в качестве определенного преступления. И обнаружение соответствия между признаками состава и признаками конкретного деяния позволяет лишь утверждать, например, применительно к квалифицированной групповой краже: «Да, это деяние предусмотрено уголовным законом – пунктом «а» ч. 2 ст. 158 УК». Утверждается только, что деяние подпадает под ч. 2 ст. 158 УК (п. «а»), и не более. Для признания этой кражи преступлением необходимо выявить ее общественную опасность (после обнаружения состава она презюмируется, но при возникновении сомнений в ее наличии – устанавливается). И когда это будет сделано, только тогда будет правомерен вывод о том, что содеянное является преступлением, а не просто деянием, запрещенным уголовным законом.

Сделанный вывод – о нахождении общественной опасности за рамками состава преступления – приводит к выводу о несовершенстве ст. 8 УК. В сегодняшней редакции данная статья основанием уголовной ответственности признает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Но после изложенного ясно, что точнее основанием уголовной ответственности считать совершение не просто деяния, содержащего состав, а совершение общественно опасного деяния. К аналогичному выводу пришел и А.И. Плотников: «Общественная опасность выражает сущность преступления, а последняя не является элементом преступления и состава, а скрыта во взаимосвязях его отдельных сторон. В существующей редакции ст. 8 УК РФ акцент сделан на формальных основаниях ответственности, что противоречит ч. 2 ст. 14 УК РФ» [56, С. 9].

В ст. 8 УК говорится, что деяние должно содержать все признаки состава преступления. Такое законодательное решение нельзя признать верным, поскольку не все признаки состава преступления необходимы для привлечения лица к ответственности за преступление с этим составом. Многие из этих признаков являются не обязательными, а факультативными (в том числе альтернативными). Например, основной состав незаконного использования товарного знака (ч. 1 ст. 180 УК) включает такие альтернативные признаки, как «неоднократность действий» и «крупный ущерб». Оба этих признака входят в указанный состав, но для наличия состава требуется установить один из них. Следовательно, не все признаки состава преступления обосновывают уголовную ответственность. Важно установить, что деяние соответствует составу преступления, а этот вывод будет правомерен при установлении в содеянном всех

обязательных признаков и, например, одного из альтернативных.

Отсюда небесспорным представляется следующий, ставший фактически догмой (особенно в учебной литературе) тезис: «Классификация признаков на обязательные или факультативные осуществляется только в связи с общим учением о составе преступления, в аспекте же квалификации по конкретной норме Особенной части уголовного права все признаки, указанные в диспозиции статей, являются обязательными» [77, С. 147].

Наконец, еще одно принципиальное замечание к редакции ст. 8 УК. Вслед за законодателем мы говорим «состав содержится в деянии» (ст. 8 УК), то есть в содеянном. Но ведь это явная неточность, поскольку состав преступления содержится в уголовном законе, ибо предусмотрен им. Поэтому в действительности признаки конкретного преступления лишь соответствуют признакам состава преступления. Например, признак кражи в особо крупном размере (ч. 4 ст. 158 УК) имеет широту выраженности от 1 млн. руб. до бесконечности. Конкретная же кража в особо крупном размере (совершенная Ивановым, Петровым и т. д.) по этому признаку также всегда конкретна – 1 млн. 357 тыс. руб. 20 коп., 2 млн. 452 тыс. руб. и т. д. Ясно, что в этой конкретной краже не может содержаться признак состава «от 1 млн. руб. и выше» – признак состава шире признака конкретного преступления. Признак конкретного преступления соотносится с признаком состава как единичный предмет с классом предметов. Последний как более общий всегда шире по содержанию. Поэтому точнее говорить о соответствии признака конкретного преступления (содеянного) признаку состава, составу преступления.

По мнению В.Н. Кудрявцева «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [38, С. 5]. К такому же обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что речь (в понятии квалификации, ст. 8 УК и т.д.) должна идти о соответствии признаков конкретного общественно опасного деяния "их описанию в УК", пришел и И.Я.Гонтарь [14, . С. 8].

Разработчиками учения о квалификации предлагаются и иные варианты решения данного вопроса. Так, Е.В. Благов не согласен с формулой «соответствие деяния составу» и результатом квалификации считает решение «о предусмотренности (или непредусмотренности) выявленного деяния составу определенного преступления» [9, С. 98].

«Признаки состава преступления, - отмечает он в другой работе, – могут исключительно предусматривать (отражать, определять, описывать) соответствующее деяние» [9, С. 31]. И все-таки вариант В.Н. Кудрявцева представляется более удачным. Конкретное преступление предусмотрено не составом, а уголовным законом, этот состав со всеми его признаками описывающим. К тому же автор приведенной позиции сам неоднократно использует формулировку «деяние соответствует составу преступления» [9,С.146], фактически признавая ее право на существование.

Таким образом, неоконченное преступление, и соучастие в преступлении

соответствуют составу (а значит, и его признакам). Только в этих случаях признаки состава по законодательно-техническим соображениям закрепляются, среди прочего, в ст. 30, 33 УК РФ. Поэтому упомянутая критика как минимум небесспорна.

В плане квалификации и уголовного процесса следует еще раз подчеркнуть, что установление соответствия между содеянным и составом преступления является основанием для презюмирования общественной опасности содеянного. Бремя доказывания общественной опасности деяния, которое предусмотрено УК, лежит, естественно, на стороне обвинения. Но нами не случайно упомянут прием презюмирования. Презумпции позволяют правильно распределить бремя доказывания. Если содеянное соответствует признакам состава преступления, то, не снимая с себя бремени доказывания, сторона обвинения имеет право, на наш взгляд, предположить ее наличие (так же как, например, вменяемость обвиняемого). Лишь появление в конкретном уголовном деле доказательств возможного отсутствия общественной опасности либо сомнений в ее наличии (отсутствие вредных последствий, «благие намерения» субъекта и т.д.) должно служить достаточным основанием для полноценной работы органа предварительного расследования, прокурора или суда над проверкой ее наличия.

Со сказанным тесно взаимосвязан другой правоприменительный вопрос: о составе преступления и его понимании в уголовно-процессуальном праве, а также практике его применения. В силу п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующему основанию: отсутствие в деянии состава преступления. В силу ст. 302 УПК при отсутствии в деянии подсудимого состава преступления постановляется оправдательный приговор.

Требование законодательной техники о том, что один термин должен иметь одинаковое значение во всем законодательстве, к сожалению, трудновыполнимо. Однако в комплексе смежных отраслей желательно все-таки обеспечивать жесткое соблюдение данного правила. Уголовное право и уголовно-процессуальное право, наряду с уголовно-исполнительным, образуют блок правовых отраслей «криминального» цикла. В этой связи термин «состав преступления» в данном законодательном массиве должен иметь одно значение.

Именно по этой причине свою позицию относительно ст. 8 УК, которая является следствием нашей трактовки состава преступления и изложена выше, мы считаем важным и необходимым экстраполировать на УПК РФ. Судя по сложившейся практике применения п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, состав преступления не усматривается в малозначительных деяниях, описанных в ч. 2 ст. 14 УК. Согласно развиваемому нами взгляду, такие деяния соответствуют составу преступления, то есть, описаны в уголовном законе в качестве преступлений, запрещены. Следовательно, в таких ситуациях, следует отказывать в возбуждении уголовного дела либо прекращать дело (преследование) по иному основанию, нежели «отсутствие состава преступления». По этой причине нам представляется разумным введение в ст. 24 УПК РФ дополнительного основания прекращения дел и отказа в их возбуждении – «малозначительность деяния» (отсутствие в

деянии общественной опасности).

Такой шаг при условии введения статистического учета по этому основанию позволит определить реальную распространенность в практике неопасных, хотя формально и предусмотренных УК, деяний. Сегодня не известна частота применения ч. 2 ст. 14 УК, а ведь это злободневная проблема. Органы предварительного расследования боятся брать на себя ответственность и оценивать содеянное как малозначительное деяние ввиду оценочного характера последнего понятия. Усмотрев все признаки состава, указанные в уголовном законе, они направляют дело прокурору. После этого редкий прокурор, а затем и судья решаются применить ч. 2 ст. 14 УК, поскольку принятие такого решения означает, что преследование лица (действия и решения следователя, прокурора и т. д.) было незаконным. В итоге лиц, деяния которых не представляют общественной опасности, осуждают. Случаи применения нормы о малозначительном деянии единичны в каждом регионе России, что хорошо известно каждому практикующему юристу. Введение статистического учета наглядно бы подтвердило этот факт и, возможно, послужило бы толчком к изменению сложившейся ситуации, когда решающее значение придается лишь одному «формальному» признаку преступления.

Кроме того, последовательно развивая наш взгляд на состав преступления, считаем необходимым уточнение п. 2 ч. 1 ст. 24 и ст. 302 УПК. Основанием отказа в возбуждении дела, прекращения возбужденного и вынесения оправдательного приговора должно быть признано несоответствие признаков совершенного деяния составу преступления.

После изложенного ясно, каким нам видится соотношение понятий состава преступления и малозначительности. В большинстве источников данный вопрос рассматривается исходя из традиционного представления о соотношении преступления и его состава: считается, что в силу отсутствия общественной опасности малозначительное деяние не содержит состава преступления <32>. Думается, что это неверное представление.

Малозначительное деяние соответствует составу преступления, такое деяние запрещено уголовным законом. Норма о малозначительности сформулирована в ч. 2 ст. 14 УК: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Нетрудно увидеть, что эта норма углубляет дефиницию преступления, рельефно отображая самостоятельное значение общественной опасности для признания деяния преступным. По этой причине неприемлемой представляется попытка обосновать отказ от малозначительности в уголовном праве. Законодатель, конструируя состав преступления, в силу объективных факторов (не говоря уже о субъективных) порой не в состоянии учесть все многообразие жизненных ситуаций и успеть за изменением политической, социальной и экономической ситуации в стране. Поэтому в практике возникали, возникают и будут возникать ситуации, когда констатация соответствия между содеянным и составом преступления, описанным в

уголовном законе, будет недостаточна для оценки деяния как преступного ввиду отсутствия в нем общественной опасности.

В ч. 2 ст. 14 законодатель оперирует всеми теми же категориями - общественной опасностью и противоправностью. Первую он отрицает в малозначительном деянии, вторую – усматривает (хотя и в виде предусмотренности уголовным законом). Поскольку со второй связано наличие состава преступления, постольку, на наш взгляд, малозначительное деяние (в строгом значении этого термина, определенном в ч. 2 ст. 14 УК) соответствует составу преступления.

Выше отмечалось, что общественная опасность лежит за рамками состава преступления. Поэтому, установив, что содеянное отвечает признакам состава, названным в законе, правоприменитель должен проверить содеянное на предмет наличия в нем общественной опасности (на предмет отсутствия в нем признаков малозначительности – ч. 2 ст. 14 УК). Это всегда вопрос факта. Если состав преступления – это, условно говоря, «вопрос закона», то общественная опасность – «вопрос факта». «Наличие малозначительности или, наоборот, опасности определяется конкретными обстоятельствами совершения деяния» [34, С. 45].

Важно подчеркнуть, что обязательным условием применения ч. 2 ст. 14 УК является установление признаков состава преступления. К сожалению, в практике (весьма скромной) применения нормы о малозначительности наблюдаются ошибки, вызванные игнорированием отмеченного условия. Печально, что такого рода ошибки присущи и практике высшей судебной инстанции страны.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2006 № 20-д05-15 было прекращено производство по делу о самоуправстве, а приговор нижестоящего суда в отношении Г., осужденной по ч.1 ст. 330 УК РФ, отменен, поскольку «действия осужденной Г. в силу малозначительности не представляют общественной опасности, так как ими не причинен существенный вред потерпевшей» [54]. Уязвимость данного судебного акта очевидна. Отсутствие существенного вреда означает отсутствие состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК, поскольку последствие в виде существенного вреда является его признаком. «Если же конкретное деяние даже формально не соответствует указанным признакам (признакам преступления.А.И.), вопрос о применении правила ч. 2 ст. 14 УК не возникает, ибо такое деяние, какой бы опасностью оно ни обладало, вообще не может быть отнесено к числу преступлений», – правильно отмечал Э.С. Тенчов [78, С. 117].

Следовательно, в рассмотренном случае нет оснований для утверждения о малозначительности содеянного и об отсутствии общественной опасности. Если содеянное не запрещено уголовным законом, то есть не наблюдается соответствия между ним и составом преступления, то вопрос об общественной опасности не должен возникать. По крайней мере, у правоприменителя (законодатель, разумеется, вправе криминализировать такое деяние). Нет запрещенности, то есть состава преступления, значит, нет и преступления.

С учетом изложенного критически, следует оценивать и порой встречающиеся в доктрине рекомендации подобного, например, плана: «В том случае, если

размер наркотического средства или психотропного вещества или их аналогов не будет достигать установленного законом, деяние в силу малозначительности нельзя признавать преступным» [35, С. 537]. Ясно, что в таких случаях, когда содеянное не соответствует составу преступления, оно будет непреступным именно по этой причине, а не из-за малозначительности.

Обратим внимание еще на два недостатка ч. 2 ст. 14 УК.

Во-первых, малозначительное деяние предусмотрено УК не формально. Предусмотренность – это и есть «формальный» признак. В этой связи, а также в целях обеспечения системного единства ч. 1 и ч. 2 ст. 14 УК логично было бы, как представляется, прямо указать, что малозначительное деяние хотя и запрещается законом, но непреступно ввиду отсутствия общественной опасности.

Во-вторых, неточно выражение «действие (бездействие)». Оценке подлежит не только действие (бездействие) лица как признак объективной стороны, но деяние в широком смысле слова, в каком оно употреблено в определении преступления (то есть и его последствия, и способ и т. д.). На практике из-за указания в ч. 2 ст. 14 УК на действие (бездействие) отказываются усматривать малозначительность в деяниях, повлекших определенные последствия и содержащих материальный состав преступления. Однако еще А.А. Пионтковский справедливо отмечал, что «возможны случаи, когда совершенное действие вызывает те или иные вредные последствия, но они не могут быть признаны с точки зрения уголовного права общественно опасными» [55, С. 31]. Вместе с тем, хотя буквальное толкование ч. 2 ст. 14 и противоречит духу уголовного закона, изменить данный подход может лишь модификация этой нормы. Возможный для обсуждения вариант ч. 2 ст. 14 УК: «Не является преступлением деяние, хотя и запрещенное настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Норма о малозначительности фактически закрепляет возможность опровержения презумпции общественной опасности деяния, которое запрещено уголовным законом, то есть содержащего все необходимые признаки состава преступления. Возникает резонный вопрос: почему может быть опровергнута презумпция опасности деяния в целом, но не может быть опровергнута презумпция опасности одного из его признаков? Иными словами, если законодатель признает существование деяний, формально содержащих все признаки преступления, то логично признать и возможность совершения деяний с квалифицирующим (и даже привилегирующим) признаком, присутствующим в деле номинально, а не по существу.

Например, в силу п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества. И данное разъяснение представляется вполне логичным и обоснованным (правильно и то, что практика распространяет его на случаи

открытого хищения не только на глазах родственников, но и иных близких лиц). Но если оценивать указанный случай строго по закону, то налицо открытое хищение чужого имущества. Дело лишь в том, что признак открытости в данном случае номинален, формален.

Точно такая же ситуация может сложиться и с любым квалифицирующим или привилегирующим признаком. Например, в ч. 1 ст. 193.1 УК РФ совершение валютных операций по переводу денег на счета нерезидентов отнесено к преступлениям небольшой тяжести, квалифицированная его разновидность - к преступлениям средней тяжести (в крупном размере, в составе группы лиц по предварительному сговору и т. д.). Так, в конкретном случае может быть установлено, что лицом в законном порядке совершены операции на сумму свыше 5 млрд. руб., но одновременно проведена аналогичная операция на сумму, превышающую 6 млн. руб. (то есть в крупном размере). Формально налицо признаки ч. 2 ст. 193.1 УК. По существу же, можно ставить вопрос об оценке подобной ситуации как исключительной и применении ч. 1 ст. 193.1 (с учетом всех иных обстоятельств дела), поскольку масштаб законных операций почти в 1000 раз превышает размер незаконной валютной операции. Не случайно ведь примечания к ст. 198 и ст. 199 УК допускают при определении величины неуплаты сравнение размера недоимки с размером всех платежей, подлежащих уплате.

Практика расследования и судебного рассмотрения дел о налоговых преступлениях знает случаи, когда формально уклонение от уплаты налогов совершено директором и главным бухгалтером, то есть группой лиц по предварительному сговору, а фактически лишь первым из названных лиц, воле которого полностью был подчинен зависимый от него бухгалтер. Сегодня такие случаи оцениваются п. «а» ч. 2 ст. 199 УК по признаку группы лиц по предварительному сговору (как тяжкое преступление). Единоличное же уклонение наказуемо по ч. 1 ст. 199 УК при условии отсутствия особо крупного размера недоимки (и относится к категории преступлений небольшой тяжести).

Примеры такого рода заставляют задуматься над идеей внедрения в УК правила, позволяющего не придавать значения при квалификации квалифицирующему обстоятельству дела. Немецкий вариант решения анализируемой проблемы (прием «regelbeispiele») вряд ли может быть признан удачным с позиции принципа законности, диктующего требование формальной определенности права. Во-первых, в УК ФРГ не оговорены условия, при которых следствие и суд имеют право не принимать во внимание квалифицирующий признак. Представляется, что фактическая предпосылка неучета признака должна быть определена в законе. Во-вторых, немецкий прием позволяет учитывать в качестве квалифицирующих любые обстоятельства, не названные в законе. Думается, что норма с такими пределами усмотрения («объемом свободы») без достаточных оснований превращает судью в творца права.

Однако, как уже отмечалось, подход российского законодателя грешит другой крайностью – формализмом в оценке дифференцирующих признаков. УК РФ обязывает учитывать при квалификации наличие любого квалифицирующего или

привилегирующего признака, не исключая ситуаций, когда он наличествует в деле формально.

Возникает вопрос о поиске золотой середины, в качестве которой может быть рассмотрено упомянутое выше предложение В.Д. Филимонова. Важность же введения в УК РФ такой нормы трудно переоценить. Например, констатировав номинальный характер признака группы лиц по предварительному сговору, правоприменитель получает основания для перехода в квалификации с ч. 2 (3, 4) на ч. 1 статьи УК (199 и т.д.). Предвидим возражение, что современный УК РФ и так предоставляет суду значительные возможности по гуманизации положения преступника: применение условного осуждения, назначение наказания ниже низшего предела и т.д. Но все эти варианты касаются определения последствий совершения преступления, а не его качественной оценки. Если квалифицирующий признак присутствует в деле номинально, то этот факт должен находить отражение в оценке содеянного, тем более что от этой оценки зависят многие уголовно-правовые последствия.

Привилегирующие признаки имеют родственную природу со смягчающими наказание обстоятельствами. И здесь резонно упомянуть о п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами РФ уголовного наказания»: «Наличие малолетних детей у виновного не может расцениваться как смягчающее наказание обстоятельство (пункт «г» части первой статьи 61 УК РФ), если осужденный совершил преступление в отношении своего ребенка, а также в отношении усыновленного (удочеренного) или находящегося на иждивении осужденного, либо под его опекой ребенка, либо лишен родительских прав». Отмечая явную справедливость приведенного разъяснения, отметим, что ст. 61 УК не делает никаких оговорок на этот счет. Перед нами как раз тот случай, когда признак, названный в законе (смягчающее обстоятельство), содержится в деле формально, а по существу его нет, ибо нет оснований для проявления гуманизма к преступнику.

При определенных обстоятельствах возможна малозначительность признака, предусмотренного ст. 106 УК РФ, что должно влечь оценку содеянного по ст. 105 УК. Вполне реальна и малозначительность привилегирующего признака в ст. 159.4 УК, когда имеет место, встречающееся в следственно-судебной практике номинальное (фиктивное) предпринимательство, на фоне которого совершается общеуголовное мошенничество (ст. 159 УК).

На основании вышеизложенного считаем целесообразным введение либо в новый УК РФ, либо в действующий УК РФ в рамках его реформы (в ч. 3 ст. 14) следующей нормы: «Если действие (бездействие) лица, лишь формально соответствует признаку, который в Особенной части настоящего Кодекса влечет повышенную (квалифицирующий признак) или пониженную (привилегирующий признак) уголовную ответственность, последняя наступает без учета данного признака».

Главное отличие преступления от иных правонарушений заключается в различной степени общественной опасности. Каждое правонарушение посягает на охраняемые законом общественные отношения, поэтому представляет

определенную общественную опасность. Но количественная характеристика этого свойства не одинакова. Более высокая степень общественной опасности, отличающая преступление от иных правонарушений, может определяться различными обстоятельствами.

Критерии отграничения преступления от других правонарушений:

- 1) характер наступивших последствий совершенного деяния;
- 2) мотивы и цели совершения деяния;
- 3) форма вины;
- 4) преступление предусмотрено только уголовным законом, оно влечет за собой такие специфические последствия, как уголовное наказание и судимость.

Нередко преступление отличается от иных правонарушений только характером наступивших последствий совершенного деяния. Так, нарушение правил охраны труда, причинившее легкий либо средней тяжести вред здоровью человека является дисциплинарным или административным проступком, а то же деяние, причинившее по неосторожности тяжкий вред здоровью, образует состав преступления (ч. 1 ст. 143 УК РФ).

Иногда фактором, значительно повышающим общественную опасность деяния и превращающим его в преступление, могут служить мотивы и цели совершения такого деяния. Например, регистрация заведомо незаконных сделок с землей квалифицируется как преступление, предусмотренное ст. 170 УК РФ, только в случаях, когда это деяние совершено должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности. В противном случае те же действия представляют дисциплинарный проступок.

В отдельных случаях преступление отличается от иных правонарушений только по форме вины. Так, при умышленной вине причинение легкого вреда здоровью образует преступление (ст. 115 УК РФ), а в случае причинения того же вреда по неосторожности ответственность его причинителя может иметь только гражданско-правовой характер (ст. 1085 ГК).

Преступление и другие правонарушения различаются не только по степени общественной опасности, но также по характеру противоправности и по юридическим последствиям. Преступление – деяние уголовно-противоправное, оно предусмотрено только уголовным законом. Правонарушения, не являющиеся преступлениями, предусматриваются Семейным, Гражданским, Трудовым кодексами, Кодексом об административных правонарушениях, ведомственными дисциплинарными уставами, а также множеством подзаконных нормативных актов. Поэтому любое из этих правонарушений характеризуется неуголовной противоправностью.

Таким образом, на основе познания сущности состава преступления обосновывается необходимость принципиального уточнения как ст. 8 УК РФ, так и предписаний о малозначительности в уголовном праве. Автор отмечает, что состав преступления существует не в жизни, а в уголовном законе. В жизни все преступления причиняют какие-либо последствия, характеризуются пространственными и временными рамками и т. д., но конструктор (законодатель) нередко оставляет их за пределами состава, обрисовывая соответствующее

преступление в законе. В итоге установление признаков состава преступления означает лишь тот факт, что содеянное запрещено уголовным законом, но еще ничего не говорит об опасности содеянного. Соотнесение деяния с составом и установление в результате соответствия между ними являются лишь основанием для предположения об общественной опасности содеянного. Однако это предположение в конкретном случае может быть опровергнуто, что явствует из содержания ч. 2 ст. 14 УК (нормы о малозначительности). С учетом этого в статье предлагается модифицировать норму об основании уголовной ответственности (ст. 8 УК), указав, что им является совершение общественно опасного деяния, признаки которого соответствуют составу преступления, предусмотренному настоящим Кодексом. Данное видоизменение предполагает соответствующую модификацию ряда иных предписаний Кодекса, в которых упоминается состав преступления, например ч. 1 ст. 29 УК: «Преступление признается оконченным, если признаки совершенного лицом деяния соответствуют составу преступления». Отталкиваясь от изложенной позиции, автор считает необходимым в ходе будущей кодификации (или в ходе реформы действующего уголовного закона) соответствующим образом изменить и норму о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК): «Не является преступлением деяние, хотя и запрещенное настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Наконец, в работе доказывается целесообразность введения в УК следующей нормы: «Если действие (бездействие) лица лишь формально соответствует признаку, который в Особенной части настоящего Кодекса влечет повышенную (квалифицирующий признак) или пониженную (привилегирующий признак) уголовную ответственность, последняя наступает без учета данного признака» (в существующей редакции Кодекса эту норму следует закрепить в ч.3 ст. 14).

Возрастает актуальность научного исследования института малозначительности и разработки практических положений в свете борьбы с коррупцией, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. При status quo отграничение преступных деяний от малозначительных законодателем делегировано субъективным оценкам отдельного правоприменителя.

2.2 Малозначительность деяния

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Для признания деяния малозначительным необходимо, чтобы оно обладало всеми признаками состава преступления (формальное основание) и не представляло общественной опасности (социальное основание) [46, С. 17].

А.П. Козлов, полагая, что понятие малозначительности приводит к злоупотреблениям на практике, предлагает отказаться от него, поскольку есть иные способы реагировать на малозначительные деяния, например положения ст.64, 73, 75 - 76 УК РФ [27, С. 769 – 771].

Однако применение ч. 2 ст. 14 УК РФ по правовым последствиям отличается от применения положений, предусмотренных ст. 64, 73, 76 УК РФ. Поэтому вряд ли стоит отказываться от наличия в УК РФ понятия малозначительности деяния, но при этом следует четко определить его границы.

В теории выделяют два вида малозначительности деяния: во-первых, когда совершенное деяние является административным правонарушением и, во-вторых, когда совершенное деяние не является административным правонарушением [28, С. 28].

Представляется, что отнесение к малозначительному деянию административных правонарушений не совсем обоснованно, поскольку такое широкое понимание малозначительности деяния размывает границы преступного и непроступного поведения. Более обоснованно относить к малозначительным деяния, не влекущие административной ответственности.

Малозначительность деяния определяется тем, запрещено ли оно только УК РФ или также и КоАП РФ [2]. Преступление нарушает как общие правила (установленные только в УК РФ), например убийство, изнасилование, грабеж, получение взятки (ст. 105, 131, 161, 290), так и правила, наказание за нарушение которых предусмотрено в КоАП РФ, например незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ и ст. 14.11 КоАП РФ), нарушение безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ и ст. 12.5 - 12.17 КоАП РФ). Следовательно, можно говорить о двух ситуациях запрещенности деяния. Первая, когда есть правомерное, административно-противоправное и уголовно-противоправное поведение, где административное правонарушение выступает «буфером» между непроступным поведением и преступлением. Во второй ситуации такого «буфера» между преступлением и непроступным поведением нет, деяние либо преступно, либо нет. Представляется, что малозначительность деяния возникает только при второй ситуации, поскольку, являясь непроступным, малозначительное деяние не влечет правовой ответственности (административной и гражданско-правовой) в силу абсолютно не общественно опасного характера малозначительного деяния, но может быть моральной [6, С. 10].

До мая 1998 г. ч. 2 ст. 14 УК РФ содержала следующую формулировку: «...то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству». В данном случае речь шла о причинении фактического вреда - имущественного ущерба или физического вреда [11, С. 74 – 83].

Верховный Суд РФ понимает малозначительность деяния в широком смысле. В частности, в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» отмечается, что, если действия, связанные с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершенные лицом с применением самоходного транспортного плавающего средства либо в местах нереста или на миграционных путях к ним или на особо охраняемых природных территориях, хотя формально и содержали признаки преступления,

предусмотренного ч. 2 ст. 253 или ст. 256 УК РФ, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, когда не использовались способы массового истребления водных животных и растений, суд вправе прекратить уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ. При этом основанием для признания действий подсудимого малозначительными может служить, например, незначительное количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не является опасным для биологических, в том числе рыбных, ресурсов.

Представляется, что такое преступление, как незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), не может быть малозначительным, поскольку оно окончено с момента начала вылова водных биологических ресурсов, и в КоАП РФ есть ст. 8.37, устанавливающая наказание за нарушение правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 253 УК РФ, также не может быть малозначительным, поскольку исследование, поиск, разведка, разработка природных ресурсов будут считаться оконченными преступлениями с момента совершения указанных действий без соответствующего разрешения. Кроме того, в ч. 1 ст. 8.17 КоАП РФ предусмотрено наказание за нарушение стандартов (правил) безопасного проведения поиска, разведки или разработки минеральных ресурсов. При наличии всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, где обязательны способ и место преступления, действия лица уже являются преступными. А в зависимости от обстоятельств произошедшего к нему могут быть применены меры уголовно-правового воздействия: от назначения наказания в виде штрафа до условного осуждения. Если же такие действия не являются преступлением, то тогда виновный должен быть привлечен к административной ответственности. Следование рекомендациям ВС РФ приведет к неоднозначному применению норм уголовного права, когда в одних случаях действия лица, совершившего указанные деяния, будут признаны преступными, а в других - малозначительными.

В то же время, как отмечено в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», преступления, предусмотренные в п. «б», «в» и «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, признаются оконченными с момента начала совершения действий, непосредственно направленных на поиск, отслеживание, преследование в целях добычи охотничьих ресурсов, а также на их добычу. В этом случае ВС РФ ничего не говорит о малозначительности деяния в зависимости от средств, используемых при незаконной охоте.

Малозначительности нет, если условием привлечения к уголовной ответственности является наступление строго формализованных последствий, например определенной суммы ущерба. Так, уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ) признается преступлением, только если налоги были не уплачены в крупном размере. Поэтому при уклонении от уплаты налогов в меньшем размере, чем предусмотрено в примечании к ст. 198 УК РФ, речь идет не о

малозначительности деяния, а об отсутствии состава преступления, поскольку нет одного из признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, - последствий [87, С. 93]. В этом случае говорится о совершении административного (налогового) правонарушения, предусмотренного ст. 119 - 122 Налогового кодекса РФ.

Нет малозначительности деяния и при совершении хищения малоценного имущества из помещения и жилища, поскольку действие ст. 7.27 КоАП РФ согласно примечанию к этой статье не распространяется на совершение хищения, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ. В то же время действующая редакция ст.7.27 КоАП РФ порождает ситуацию, противоречащую основам квалификации преступлений, когда квалифицированный состав не содержит всех признаков основного состава. Поэтому в теории обоснованно предложено решить эту проблему, включив в ч. 2 ст. 158 УК РФ, предусматривающую наказание за квалифицированные виды кражи, формулировку «кража чужого имущества вне зависимости от его стоимости, совершенная...». Аналогичным образом следует сформулировать ч. 2 ст. 159 и 160 УК РФ [12, С. 219].

На основании изложенного сложно согласиться с решением ВС РФ по делу Б., который, будучи в магазине, взял шнурки стоимостью 18 руб. и один тюбик крема для обуви по цене 36 руб. и, не оплатив их, был задержан на выходе из магазина. За это Б. был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком в один год. При этом на момент совершения хищения минимальный размер оплаты труда как критерий разграничения уголовно наказуемой и административно наказуемой кражи составлял 83 руб. 43 коп. Также было установлено, что Б. впервые совершил правонарушение, до этого ни в чем предосудительном замечен не был, каких-либо вредных последствий его действия для магазина не повлекли, вину Б. признал и полностью раскаялся, занимается общественно полезным трудом и положительно характеризуется как исполнительный и профессиональный сотрудник. Поэтому, по мнению Судебной коллегии ВС РФ, действия Б., хотя формально и содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ, но в силу малозначительности не представляют общественной опасности. Однако если бы Б. довел свои действия до окончания, то причинил бы тем самым магазину ущерб, размер которого недостаточен для признания его действий преступлением, но достаточен для признания их административным правонарушением (ст. 7.27 КоАП РФ). Кроме того, при решении вопроса о малозначительности следует учитывать мотив и цель деяния, т. е. обстоятельства, проявившиеся в действии. В то же время обстоятельства, проявившиеся в докриминальном и посткриминальном поведении (раскаяние, добровольное возмещение ущерба, образ жизни до преступления, семейное положение и т. д.), учитываться не должны [6, С. 12 – 13]. Это связано с тем, что в УК РФ существуют нормы (ст.75,76), регламентирующие основания и условия освобождения от уголовной ответственности, характеризующие докриминальное и посткриминальное поведение виновного.

Малозначительность деяния невозможна и при неоконченном деянии,

совершенном с неконкретизированным умыслом. Поэтому трудно согласиться с решением ВС РФ по делу Н., который, незаконно проникнув в библиотеку, похитил принадлежавшие Р. две пары ножниц, не представлявших материальной ценности. Первоначально суд квалифицировал его действия по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как тайное хищение чужого имущества, совершенное с незаконным проникновением в помещение. Однако из показаний осужденного Н. усматривается, что он проник в помещение библиотеки с целью хищения какой-либо оргтехники, но, не обнаружив ничего ценного, взял с собой найденные в ящике ножницы, которые позже выбросил. В соответствии с действующим законодательством чужим имуществом как предметом хищения признаются вещи, по поводу которых существуют отношения собственности, обладающие ценностью и стоимостью. Как установлено судом в приговоре, похищенные осужденным ножницы не представляют материальной ценности. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. При таких обстоятельствах, когда Н. приговором суда первой инстанции не был осужден за хищение оргтехники, его действия в части хищения из библиотеки, вопреки доводам надзорного представления, не могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как покушение на кражу, совершенное с проникновением в помещение, а материалы дела в этой части подлежат прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия состава преступления. В данном случае квалифицирующий признак, характеризующий место преступления, и неконкретизированный умысел не позволяют говорить о малозначительности деяния [14, С. 92 – 93].

Сторонник широкого понимания малозначительности деяния Н.Ф. Кузнецова приводит пример, когда человек проникает в квартиру бывшей жены и похищает альбом с семейными фотографиями. Поскольку стоимость похищенного незначительна, то можно говорить о малозначительности деяния, однако сам факт проникновения в жилище следует квалифицировать по ст. 139 УК РФ [14, С. 94].

Действительно, осуждать бывшего мужа даже условно по ч. 3 ст. 158 УК РФ за совершение кражи семейного альбома вряд ли справедливо, и, возможно, здесь речь идет о малозначительности деяния, однако такие ситуации встречаются крайне редко.

Одним из критериев разграничения преступного поведения от непроступного, выступает и способ преступления. В связи с этим определимся с правовой оценкой открытого хищения чужого имущества на сумму менее 1000 руб., поскольку согласно ст. 7.27 КоАП РФ уголовной ответственности за грабеж лицо подлежит независимо от стоимости похищенного. Ряд авторов считают, что такие деяния являются малозначительными, поэтому в ст. 7.27 КоАП РФ следует внести изменения о том, что открытое хищение чужого имущества на сумму менее 1000 руб. влечет административное наказание [86, С. 181; 85, С. 73]. Представляется, что открытое хищение чужого имущества на сумму менее 1000 руб. не может признаваться малозначительным, поскольку общественная опасность грабежа

определяется не только стоимостью похищенного, но и его способом, что свидетельствует о дерзости виновного [17, С. 24]. В этом случае у суда существуют другие способы адекватно отреагировать на такие действия, назначив наказание в виде штрафа, обязательных работ или условное осуждение.

Кроме того, в теории полагают, что малозначительность деяния может определяться ролью лица в совершении преступления [85, С. 74].

А.П. Козлов приводит пример, когда два человека договорились совершить кражу из магазина. Взломав двери и вытащив похищенное на крыльцо, они увидели, что у крыльца стоит жена одного из них с санями, чтобы облегчить доставку похищенного, поскольку она слышала, как они договаривались о краже [27, С. 769]. Однако представляется, что в данном случае малозначительности нет, к лицу, которое присоединилось к преступлению в процессе его совершения, следует применить такую меру уголовно-правового характера, как условное осуждение.

Малозначительность возможна при посягательстве на личные неимущественные права, например, когда человек, проходя по улице, из любопытства заглядывает в окно квартиры, находящейся на первом этаже, и тем самым визуальное проникает в жилище (ст. 139 УК РФ), нарушая неприкосновенность частной жизни (ст. 137 УК РФ). К малозначительному деянию может быть отнесено и кратковременное, на несколько минут, незаконное лишение свободы. Малозначительности нет при посягательстве на жизнь и здоровье человека. В теории предложено дополнить ст. 14 УК РФ частью 3, где содержался бы перечень деяний, совершение которых нельзя признавать малозначительными [7, С. 57].

Следовательно, под малозначительностью следует понимать совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, не причинившего фактического вреда, наказание за которое предусмотрено только в УК РФ.

Наиболее типичными ситуациями малозначительности деяния являются случаи, когда деяние характеризуется не воздействием на предметы материального мира, а совершением действий с этими предметами, поскольку в УК РФ не указаны их размер и количество и в КоАП РФ отсутствует норма, предусматривающая наказание за их совершение. Например, в ст. 191 УК РФ нет указания на массу и стоимость драгоценных металлов, совершение незаконных сделок с которыми преступно. Поэтому разграничение преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ, и малозначительного деяния происходит в каждом конкретном случае. Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ прекратила в отношении Г. уголовное дело в силу малозначительности деяния, поскольку в сентябре 1997 г. он был задержан при попытке сбыть сплав металлов, где доля серебра была 60 %. Стоимость одного грамма серебра на тот момент равнялась 1,142 руб., соответственно, цена серебра, находившегося в сплаве, составляла 164 руб., что было менее двух минимальных оплат труда на момент совершения преступления.

Учитывая, что в диспозиции ст. 290 УК РФ нет указания на размер взятки и в КоАП РФ нет нормы, устанавливающей наказание за дачу взятки,

малозначительность деяния возможна, если сумма вознаграждения незначительна, его получение не было оговорено заранее и оно было передано после и за совершение законных действий должностного лица.

Не указаны количественные характеристики предмета и в ст. 222 УК РФ. Так, З. в марте 2009 г. нашел один патрон калибра 7,62 мм, являвшийся боеприпасом к нарезному охотничьему оружию, принес его домой и незаконно хранил. Указанный патрон был обнаружен и изъят во время обыска в апреле 2009 г. За указанные действия З. был осужден к одному году лишения свободы. Однако ВС РФ в Определении от 10 февраля 2011 г. № 55-Д10-23 указал, что, признавая З. виновным в незаконных приобретении и хранении боеприпаса - единичного патрона калибра 7,62 мм, суд не учел, что З. не имел никакого оружия, приобрел патрон случайно, не придавая никакого значения его нахождению в своей квартире. Также в деле нет данных о том, что подсудимый причинил или создал угрозу причинения вреда. Поэтому приговор был отменен в связи с отсутствием состава преступления. Представляется, что речь идет не об отсутствии состава преступления, поскольку имеются все его признаки, предусмотренные ст. 222 УК РФ, а о малозначительности деяния.

Малозначительность деяния возможна и при совершении такого преступления, как использование подложного документа, поскольку в ч. 3 ст. 327 УК РФ нет указания на то, что документ должен быть официальным, что не всегда учитывается при квалификации. Так, Р. подделал ходатайство от имени должностных лиц университета о его допуске к архивам, на основании чего ему разрешили работать в них. Первоначально он был осужден по ч. 3 ст. 196 УК РСФСР (ч. 3 ст. 327 УК РФ), а затем освобожден от уголовной ответственности ввиду отсутствия состава преступления, поскольку ходатайство о допуске в архив не относится к официальным документам, так как это право предоставляется только на основании пропуска для работы в архивах, выписываемого после разрешения начальника архива. Представляется, что действия Р. следовало признать непреступными не вследствие отсутствия состава преступления (нет официального документа), а вследствие малозначительности деяния (использование ходатайства о допуске к архивам не представляло общественной опасности) [82, С. 59].

В приведенных примерах речь шла о малозначительности деяний с формальным составом, совершение которых не влечет ни административной, ни материальной ответственности. Рассмотрим возможность малозначительности в деяниях с материальным составом. В теории отмечают невозможность малозначительности деяния, когда наличие состава связано с фактом наступления вреда, например «существенное нарушение прав и законных интересов» при злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) [46, С. 17]. Представляется, что эта позиция справедлива, лишь, если последствия как условие признания деяния преступлением материализованы, т. е. поддаются учету, поскольку на практике встречаются ситуации, когда суды полагают, что должностные лица существенно нарушили права и законные интересы граждан и государства. Так, инспекторы ДПС Р. и М. были признаны виновными в

преступлении, предусмотренном ст. 285 УК РФ, за то, что изъяли у водителя И. водительское удостоверение, не отправив его самого на медицинское освидетельствование. Верховный Суд РФ приговор отменил, прекратив уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и указав на немотивированность вывода суда о том, что действиями осужденных были существенно нарушены охраняемые законом интересы государства.

Думается, что в приведенной ситуации можно говорить о малозначительности деяния, поскольку последствия как условие признания деяния преступлением описаны посредством оценочных признаков, так как не поддаются учету и наказание за злоупотребление полномочиями не предусмотрено в КоАП РФ. Следовательно, малозначительность возможна, если деяние влечет дисциплинарную ответственность.

Так, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, окончено с момента фальсификации доказательств. Однако результаты изучения Н. Мирошниченко и Ю. Пудовочкиным судебной практики показывают, что суды неоднозначно оценивают последствия фальсификации доказательств. В одних случаях действия, предусмотренные ч. 2 ст. 303 УК РФ, признаются преступлением вне зависимости от того, являлось ли целью фальсификации доказательств осуждение или оправдание лица, в других же, если не была установлена такая цель, действия не признавались преступлением [50, С. 60 – 61].

Представляется, что если какое-либо событие, которое необходимо установить в рамках уголовного дела, подтверждается другими доказательствами, то фальсификацию доказательств, лишь подтверждающих это событие, но не надлежаще оформленных, следует рассматривать как малозначительное деяние, хотя оно и влечет для лица, осуществляющего расследование, дисциплинарную ответственность. Так, М. была осуждена по ч. 2 ст. 303 УК РФ за то, что с целью избежать дисциплинарной ответственности за нарушение сроков предварительного следствия и уменьшения объема работы, связанной с вызовом и допросом потерпевшего, не допрашивая потерпевшую К., сфальсифицировала протокол ее допроса, переписав в бланк сведения, указанные К. в объяснении, и расписавшись за нее. Однако Судебная коллегия ВС РФ отметила, что в приговоре не были указаны мотивы и цели действий М., вследствие чего в ее действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 303 УК РФ. Следовательно, неустановление цели (использовать сфальсифицированный протокол) послужило основанием для отмены приговора. Такое решение обосновывается тем, что доказательством являются не протокол, а показания потерпевшего, которые не получили должного оформления.

Для разграничения преступной и не преступной фальсификации доказательств В. Борков предложил указать в диспозиции ч. 2 ст. 303 УК РФ цель – «фальсификация доказательств по уголовному делу с целью их последующего использования», поскольку только так можно причинить вред интересам правосудия (например, посягательство на финансовую систему государства не может состоять только лишь в подделке денег без цели их сбыта (ст. 186 УК РФ) [10, С. 22]. Обоснованность указания на цель фальсификации доказательств

определяется тем, что государство существует не для самого себя, когда нарушение установленного им запрета признается преступным, а для обеспечения интересов граждан в определенных сферах жизнедеятельности.

При рассмотрении проблемы малозначительности деяния возникает также вопрос о форме вины. По мнению Ч.М. Багирова, малозначительными могут признаваться только умышленные деяния [6, С. 9 – 10].

Однако представляется, что в настоящее время малозначительным может быть признано и деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ. Это обусловлено тем, что одним из последствий халатности в настоящее время является существенное нарушение прав и законных интересов граждан, общества или государства, т.е. последствия не конкретизированы и описаны посредством оценочных признаков, а наказание предусмотрено только в УК РФ.

Итак, малозначительные деяния – это деяния, совершенные умышленно или неосторожно, содержащие все признаки состава преступления, наказуемые только в соответствии с УК РФ и не влекущие административной или материальной ответственности. Условно к формам малозначительности можно отнести совершение деяний, посягающих на такие личные неимущественные права, как свобода передвижения, неприкосновенность жилища и частной жизни; выражающихся в совершении действий с предметами материального мира; причиняющих нематериальный вред, когда последствия описаны посредством оценочных признаков.

Выводы по разделу 2.

Таким образом, нами были рассмотрены признаки малозначительных деяний, к которым относятся деяния, совершенные умышленно или неосторожно, содержащие все признаки состава преступления, наказуемые только в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации и не влекущие административной или материальной ответственности. Условно к формам малозначительности относятся совершение деяний, посягающих на такие личные неимущественные права, как свобода передвижения, неприкосновенность жилища и частной жизни, выражающихся в совершении действий с предметами материального мира, причиняющих нематериальный вред, когда последствия описаны посредством оценочных признаков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе написания работы я пришел к выводу, что преступление - это деяние, запрещенное Уголовным кодексом в связи с тем, что оно является общественно опасным и посягает на охраняемые уголовным законом объекты. Таким образом, это определение является формально-материальным, так как предусматривает и формальный нормативный признак (запрещенность деяния уголовным законом), и материальный признак (его общественную опасность).

Деяние – это поведение (поступок) человека в форме действия или бездействия. Действие – активное волевое поведение. Бездействие характеризуется пассивным волевым поведением, выражающимся в невыполнении лежащей на лице обязанности действовать.

Формальный признак преступления означает законодательное выражение принципа нет преступления без указания о том в законе. Он означает, что по российскому уголовному праву не допускается (запрещается) применение уголовного закона по аналогии.

Общественная опасность – это способность предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам).

Общественная опасность есть объективное свойство деяния, присущее ему независимо от законодательной оценки, которое служит основанием его криминализации. Вред, причиняемый преступлением, не всегда конкретизируется в уголовном законе.

Более того, в некоторых случаях совершения преступления практически невозможно назвать, кому именно, каким индивидуально определённым интересам и благам причинён ущерб.

Однако это не означает, что такие деяния являются безвредными: общественная опасность может заключаться в дезорганизации существующего порядка общественных отношений, нарушении стабильности общества в целом. Признак общественной опасности может находить различное выражение в законодательстве.

В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ преступление – это запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, обязательно совершенное виновно, то есть при определенном психическом отношении к деянию и его последствиям со стороны лица, совершившего это деяние. Если действия лица невиновно вызвали общественно опасные последствия, его поведение не является преступлением.

Преступление – это обязательно наказуемое деяние. В Особенной части каждая статья Уголовного кодекса предусматривает определенное наказание за совершение того или иного запрещенного уголовным законом деяния. Однако это не означает, что установленное в санкциях статей Особенной части УК РФ наказание должно применяться всегда и при всех обстоятельствах.

Преступление является важнейшей категорией уголовного права. Все другие понятия и категории уголовного права связаны с преступлением.

Наука уголовного права рассматривает преступление не как абстрактную категорию, неизменную, раз и навсегда данную, ни от чего не зависимую, а как реальную социальную категорию, тесно связанную с другими, обуславливающими ее появление и существование социальными явлениями.

Рассматривая преступление подобным образом, наука уголовного права устанавливает, что преступление является исторически изменчивой категорией, которая существовала не всегда, а возникла на определенном этапе развития человеческого общества с общественным разделением труда, образованием частной собственности, делением общества на классы, с появлением государства и права.

Понятие преступления является одной из ключевых категорий уголовного права.

Для осуществления стоящих перед уголовным законодательством задач охраны личности, прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя, мира и безопасности человечества от преступных посягательств, а также предупреждения преступлений, наука уголовного права формирует и определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями.

Преступным признается такое поведение человека, которое причиняет существенный вред, нарушает общественные отношения в государстве.

В эпоху первобытнообщинного строя, когда не было государства и права, не было и понятия преступления, наказания. Если совершались какие-либо действия, вредные, опасные для рода и племени, отдельного лица, то с ними боролись посредством применения мер принуждения, исходящих от рода, племени, например, изгнание из рода, племени, лишение мира, лишение воды.

Понятие преступного, его содержание менялось со сменой общественно-экономических формаций, но его социальная сущность, которая определяется общественной опасностью для существующих общественных отношений, охраняемых уголовным законом, оставалась неизменной.

Уголовный кодекс предусматривает и случаи освобождения от наказания. Чаще всего это касается преступлений небольшой тяжести (например, ст. 75 УК РФ – освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и ст. 76 УК РФ – освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим).

Таким образом, преступлением по российскому уголовному праву является запрещенное уголовным законом общественно опасное, виновное и наказуемое деяние.

Материальный признак преступления (его общественная опасность) предполагает, что не является преступлением деяние, формально подпадающее под признаки, указанные в статье Особенной части Уголовного кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (например, кража коробка спичек).

Малозначительное деяние, в силу отсутствия общественной опасности не содержащее в себе состава преступления, может образовать состав иного правонарушения (например, административного или дисциплинарного), и в этом случае к лицу, его совершившему, могут быть применены меры административного, дисциплинарного или общественного воздействия, не являющиеся наказанием.

Уголовная противоправность как признак преступления означает, что преступлением может быть признано, лишь такое общественно опасное деяние, которое прямо запрещено в нормах Особенной части УК.

Уголовная противоправность как нормативная категория и необходимый признак преступления конкретизирует сформулированный в ст. 3 УК принцип законности, согласно которому в Российском уголовном праве преступность деяния определяется только УК.

Законы иной отраслевой принадлежности, в том числе и комплексного характера, а также подзаконные нормативные акты не вправе определять, что преступно, а что не преступно. Признание преступлением только общественно опасного деяния, которое запрещено уголовным законом, исключает применение последнего по аналогии.

В Российской Федерации никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и осужден, если совершенное им деяние не противоправно, если оно непосредственно не предусмотрено уголовным законом.

Хотя общественная опасность и противоправность два обязательных взаимосвязанных признака преступления, тем не менее, для признания преступлением решающее значение имеет общественная опасность. Именно общественная опасность является основанием для признания деяния преступным, для его криминализации.

Дается анализ понятия и содержания виновности как элемента предмета доказывания, а также разграничение виновности и вины как признака субъективной стороны преступления. Основу предмета доказывания образуют событие преступления, лицо, совершившее преступление, виновность данного лица.

Виновность – понятие материально-правовое. Виновность означает допустимость признания преступлением лишь такого поведения лица, в отношении которого установлена его вина. Вина есть предусмотренное уголовным законом психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям.

Наказуемость как признак преступления свидетельствует о наступлении отрицательных уголовно правовых последствий для лица, совершившего преступление.

Наказуемость означает, что в случае совершения преступления виновное в нем лицо может быть подвергнуто уголовному наказанию либо иным, предусмотренным уголовным законом мерам уголовно правового характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 21.07.2014 № 11–ФКЗ) // <http://www.consultant.ru>.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195–ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.05.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 23.04.2018.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ – <http://www.pravo.gov.ru> – 23.04.2018.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ – <http://www.pravo.gov.ru> – 23.04.2018.
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3–ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О полиции» 07.03.2018 – <http://www.pravo.gov.ru>
6. Багиров, Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Ч.М. Багиров. – Тюмень, 2005. – С. 10.
7. Базарова, С. Малозначительность деяния /С. Базарова // Законность. – 2009.– № 1. – С. 57.
8. Баранов В.И. Понятие преступления в уголовном праве. / В.И. Баранов – Самара, 2000. – с. 4 – 5.
9. Благов, Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). / Е.В.Благов.– С. 98.
10. Борков, В. Сложность квалификации фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ) / В. Борков // Уголовное право. – 2009. - № 2. – С. 22.
11. Винокуров, В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы / В.Н. Винокуров // Журнал российского права. – 2014. – № 4. – С.74 – 83.
12. Вишнякова, Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. / Н.В.Вишнякова. – Омск, 2008. – С. 219.
13. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар, 2005.
14. Гонтарь, И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): Автореф. дис. канд. юрид. наук. / И.Я. Гонтарь. – Владивосток, 1997.
15. Емелин, С.М. Историко-правовые аспекты борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.) / С.М. Емелин, // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 38 – 41.
16. Епифанова, Е.В. Российская уголовно-правовая наука о понятии преступления / Е. В. Епифанова // Журнал российского права. – 2008. – №4.
17. Ераксин, В.В. Ответственность за грабеж. / В.В. Ераксин. – М., 1972. – С.24.

18. Жалинский, А.Э. Уголовное право между символическим и рациональным / А.Э. Жалинский // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 51 – 57.
19. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. / А.Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
20. Загородников, Н.И. Теоретические основы классификации преступлений в уголовном праве / Н.И. Загородников, А.В. Наумов // Правоведение. 1983. №2.
21. Злыденко Д.С. Категории преступлений и их субъекты: уголовно-правовые аспекты. Краснодар, 2003. С. 14.
22. Иванчин, А.В. Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности / А.В. Иванчин // Lex russica. – 2015. – № 6. – С. 16 – 29.
23. Кадников, Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: Дис. канд. юрид. наук. / Н. Г. Кадников. – М., 2000. – С. 160.
24. Карабанова, Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений / Е.Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2017. – №1.– С. 130 – 138.
25. Ковалев, М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. / М.И. Ковалев. – Свердловск, 1987. – С. 73.
26. Козаченко, И.Я. Объект преступления / И.Я. Козаченко // Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М., 2005. – С. 133.
27. Козлов, А.П. Понятие преступления. / А.П. Козлов. – СПб., 2004. – С.769–771.
28. Колосовский, В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. / В.В. Колосовский. – М., 2011. – С. 28.
29. Комментарий к Уголовному кодексу 1960 г. / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962. С. 234.
30. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 1: Общая часть. – 316 с.
31. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы VII – VIII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2. – 371 с.
32. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. – 736 с.
33. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2004. – С. 21.
34. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный), испр., доп. и перераб. / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Инфра-М; Контракт, 2011. С. 45.
35. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный). 13-е изд., перераб.

- и доп. / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. С. 537.
36. Костин, Ю.В. Особенности развития уголовного права Российской империи в XIX в. / Ю. В. Костин // История государства и права. – 2010. – № 7. – С. 22 – 25.
 37. Крутиков, Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. / Л.Л. Крутиков, О.Е. Спиридонова. – СПб.: Юрид. центр "Пресс", 2005. 332с.
 38. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. / В.Н.Кудрявцев. – 2–е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 59.
 39. Кузнецова, Н.Ф. О составе преступления / Н.Ф. Кузнецова // Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2008. С. 306.
 40. Кузнецова, Н.Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса / Н.Ф. Кузнецова // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. – Ярославль, 1995. – С. 25.
 41. Курс уголовного права. Общая часть. Т.1 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М.Тяжковой. – М.:Инфра–М,2010.
 42. Лагецкий, А.А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX - начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / А.А. Лагецкий. – М., 2003. – С.19.
 43. Лопашенко, Н.А. Соотношение преступления и состава преступления / Н.А. Лопашенко // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: Материалы 4–й Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2007. С. 128 – 134.
 44. Лысов М.Д. Свобода и произвол: детерминирующие факторы и вина // Ученые записки Казан. гос. ун-та. Т. 142. Казань, 2002. С. 10.
 45. Мальцев, В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве / В.В. Мальцев // Законность. – 1999. – № 6. – С. 17.
 46. Мальцев, В. Понятие общего объекта преступления / В. Мальцев // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 25 – 30.
 47. Марцев А.И. Вопросы учения о преступлении и ответственности. Омск, 1998.
 48. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. 1920 - 2000. Омск, 2000.
 49. Милиция Челябинской области 1802 – 2002 гг. Страницы истории / Под ред. Д.В. Смирнова. Челябинск, 2002. С. – 166.
 50. Мирошниченко, Н. Некоторые проблемы квалификации последствий служебных преступлений / Н. Мирошниченко, Ю. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 60 – 61.
 51. Михаль О.А. О логических правилах построения классификации преступлений / О.А. Михаль // Современное право. – 2016. – № 1. – С. 132–134.
 52. Наумов, А.В. Преступление и наказание в истории России: В 2 ч. Ч. II. / А.В. Наумов. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 103 – 105.

53. Немировский, Э.Я. Советское уголовное право. Общая и Особенная часть. / Э. Я. Немировский. – Одесса, 1926. – С. 66 – 67.
54. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2006 № 20 – д05 – 15 // СПС «КонсультантПлюс» (документ не опубликован).
55. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права. / А.А.Пионтковский. В VI т. Т. II: Преступление. М.: Наука, 1970. – С. 31.
56. Плотников, А.И. Объективное и субъективное в преступлении: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. / А.И. Плотников. – М., 2012. – С. 9.
57. Познышев, С.В. Очерки основных начал науки уголовного права. Общая часть. / С. В. Познышев. – М., 1923. – С. 38.
58. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о составе преступления: Учеб. пособие. / Ю.Е.Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 6.
59. Российское законодательство X – XX веков. М., 1988. Т. 8. Законодательство первой половины XIX века. – С. 387 – 388.
60. Российское законодательство X – XX веков. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – С. 173.
61. Российское уголовное право: Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. – С. 35.
62. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 3 / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2000. – С. 303.
63. Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. А.И.Рарога. М.: Эксмо, 2004. 496 с.
64. Русская правда, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1646 г. и др. // История русского законодательства. СПб., 1999.
65. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1904. С. 67.
66. Сахаров, А.Б. О классификации преступлений / А.Б. Сахаров // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. Вып. 17. – С. 49 – 50.
67. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. С. 58.
68. Состояние преступности в России за 9 месяцев 2017 года: краткая характеристика – <http://prisonlife.ru>
69. Социальная природа преступления в уголовном праве//<http://fb.ru/article/220788/sotsialnaya-priroda-prestupleniy-v-ugolovnom-prave>
70. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1887. Вып. 1. – С. 77.
71. Таганцев, С.Н. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: В 2 т. М., 1994. Т. 1. – С. 56.
72. Толкаченко, А.А. Гуманистические идеи в учении о преступлении и наказании: история и современность / А. А. Толкаченко // Россия и мир - вчера, сегодня, завтра. М., 1998. Вып. 3. – С. 37 – 40.
73. Трайнин, А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин / Сост., вступ. ст. Н.Ф.Кузнецовой. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. – С. 30, 32.
74. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А.Арямов,

- Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. – 384 с.
75. Уголовное право России: Практический курс / Под общ. ред. А.И.Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
76. Уголовное право России: Общая часть / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В.Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2006. С. 368 (авторы главы о составе преступления – В.С. Прохоров, Н.И. Мацнев).
77. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.П. Ревина. С. 147.
78. Уголовное право России. Часть общая: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л.Л. Крутикова. М.: БЕК, 2005. С. 117 (автор главы о понятии преступления – Э.С. Тенчов).
79. Уголовное уложение с изложением рассуждений, на коих оно основано. СПб., 1910. С. 67.
80. Уголовное уложение 1903 г. с очерком существенных отличий. М., 1903. С.6, 7.
81. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / Под ред. В.С. Комисарова, А.И.Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2009. 555 с.
82. Федин, А. Некоторые особенности квалификации преступления, предусмотренного частью 3 статьи 327 УК РФ / А. Федин // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 59.
83. Хайруллина, Г.А. История становления института классификации преступлений в России Г.А. Хайруллина // История государства и права. – 2013. – № 16. – С. 14 – 18.
84. Хан-Магомедов Д.О. Проблемы классификации преступлений с учетом их общественной опасности // Проблемы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. М., 1981. – С. 24.
85. Цепелев, В. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего / В. Цепелев, Н. Мартыненко // Уголовное право. – 2012. – №3. – С. 73.
86. Шнитенков А.В. Проблемы применения норм о малозначительности деяния / А.В. Шнитенков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. (26 – 27 января 2012 г.). М., 2012. – С. 181.
87. Энциклопедия уголовного права. / И.Я. Гонтарь, И.А. Зинченко, А.П. Козлов и др. Т. 3: Понятие преступления. – СПб., 2005. – С. 93.